

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

О борьбе с проституцией (Женское нестроение #1)

«Опять газеты полны разговорами о борьбѣ съ развитіемъ проституціи, объ уничтоженіи торгова бѣлыми невольницами, о правилахъ для одиночекъ, квартирныхъ хозяекъ, объ охранѣ отъ разврата малолѣтнихъ и т. д. Собираются и ожидаются съѣзды, слагается союзъ «защиты женщинъ», готовятся проекты, сочиняются рѣчи, пишутся статьи. Сколько хорошихъ словъ, благихъ намѣреній, – надо отдать сараведливость, – весьма часто переходящихъ и въ доброжелательные поступки, и въ полезныя пробныя мѣропріятія! И изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе повторяется одна и та же исторія: доброжелательные поступки приводятъ къ результатамъ чуть ли не обратно противоположнымъ желанію, а изъ мѣропріятій вырастаетъ для женскаго пола, совсѣмъ неожиданнымъ сюрпризомъ, какая-нибудь новая житейская каторга, горшая прежнихъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0033
III (Г. А – ту въ «Нов. Времени»).....	0068
IV.....	0081
V.....	0092
VI.....	0116

**Александр Валентинович
Амфитеатров
О борьбѣ съ проституціей**

Опять газеты полны разговорами о борьбѣ съ развитіемъ проституціи, объ уничтоженіи торга бѣлыми невольницами, о правилахъ для одиночекъ, квартирныхъ хозяекъ, объ охранѣ отъ разврата малолѣтнихъ и т. д. Собираются и ожидаются съѣзды, слагается союзъ «защиты женщинъ», готовятся проекты, сочиняются рѣчи, пишутся статьи. Сколько хорошихъ словъ, благихъ намѣреній, — надо отдать сараведливость, — весьма часто переходящихъ и въ доброжелательные поступки, и въ полезныя пробныя мѣропріятія! И изъ года въ годъ, изъ десятилѣтій въ десятилѣтіе повторяется одна и та же исторія: доброжелательные поступки приводятъ къ результатамъ чуть ли не обратно противоположнымъ желанію, а изъ мѣропріятій вырастаетъ для женскаго пола, совсѣмъ неожиданнымъ сюрпризомъ, какая-нибудь новая житейская каторга, горшая прежнихъ. И сатана, гуляя по своему аду, полъ въ которомъ, какъ извѣстно, вымощенъ добрыми намѣреніями, — послѣ каждаго

създа или конгресса о проституціи, все крѣпче, все съ большею самоувѣренностью топаеть копытами по тому мѣсту, гдѣ похоронены сотни разрѣшеній вопроса о падшихъ женщинахъ, язвительно смѣется и приговариваетъ:

— Вотъ гдѣ у меня основательно, густо вымощено!

Борьба съ распространеніемъ проституціи, обыкновенно, проектируется съ двухъ точекъ отправленія: этической — для самихъ жертвъ проституціи, медицинско-профилактической — для общества, въ средѣ котораго проституція развивается, служа показателемъ его, какъ принято выражаться, темперамента. Въ дополненіе къ отвѣтамъ на эти главные устои вопроса, ищутся разгадки второстепенныхъ осложненій, изъ него истекающихъ; въ томъ числѣ, съ особеннымъ усердіемъ предлагается дилемма объ улучшеніи быта проститутки, объ охранѣ ея человѣческихъ и гражданскихъ правъ, словомъ, такъ сказать, о защитѣ ея отъ жестокаго обращенія. Опять-таки — прекрасныя, истинно гуманныя задачи: и упражняться въ

рѣшеніи подобныхъ житейскихъ шарадъ – благороднѣйшее занятіе для мыслителя благонамѣреннаго и любвеобильнаго. Но сатана, все-таки, топчетъ копытами, смѣется и восклицаетъ:

– Нѣтъ, господа, – это мѣсто у меня надежно, крѣпко вымощено!

Я зналъ въ жизни своей очень много членовъ разныхъ обществъ покровительства животнымъ, въ томъ числѣ иныхъ очень дѣятельныхъ, – но только одного, который покровительствовалъ имъ дѣйствительно и вполне послѣдовательно. Онъ сдѣлался вегетаріанцемъ, всегда и всюду ходилъ пѣшкомъ и не держалъ въ домѣ своемъ ни кота, ни собаки. Этотъ человѣкъ устранилъ себя отъ потребностей въ животномъ мѣрѣ, и тогда животный мѣрѣ получилъ нѣкоторую гарантію, что онъ не будетъ терпѣть отъ этого человѣка жестокаго обращенія, по крайней мѣрѣ, вольнаго потому что, вѣдь, въ концѣ-то концовъ, все наше отношеніе къ животнымъ – сплошь жестокое, даже когда мы считаемъ его кроткимъ. Нельзя съ нѣжностью лобанить быка, хотя бы на самой усовершенствов-

ванной бойнѣ, нельзя мягко сердечно перерѣзать горло барану и отрубить голову индюку; нельзя воображать, будто доставляешь необычайное наслажденіе лошади, впрягая ее въ вагонъ конно-желѣзной дороги; и хотя гастрономы утверждаютъ, будто карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, однако врядъ-ли они отъ карася это слышали. Не быть жестокимъ по отношенію къ животнымъ можетъ только то общество, которое въ состояніи обходиться безъ животныхъ. Всякое иное покровительство животнымъ заботится не о благополучіи животнаго міра, а объ успокоеніи нервной чувствительности общества человѣческаго, объ умиротвореніи поверхностными компромиссами человѣческой совѣсти, внутреннимъ голосомъ своимъ протестующей въ насъ противъ грубыхъ формъ эксплуатаціи живого, дышущаго существа. Защищая истязуемое или напрасно убиваемое животное, мы оберегаемъ не его, но собственный нравственный комфортъ, собственное самодовольство. Если въ оправданіе истязанія или убійства животнаго имѣется хоть маленькій, понятный и выгод-

ный челоѡку предлогъ, оно уже не считается ни истязаніемъ, ни напраснымъ убійствомъ. Научные интересы – достояніе немногихъ: поэтому тысячи людей возмущаются до глубины души откровенными жестокостями вивисекціи, цѣлей которой они не понимаютъ. Вкусовые интересы доступны всѣмъ: поэтому тѣ же тысячи людей не смущаются ѣсть раковъ заживо сваренныхъ въ кипяткѣ, и требуютъ, чтобы кухарка сѣкла налима предъ закланіемъ его въ уху, такъ какъ отъ сѣченія налима «огорчается», и вкусная печенка его распухаетъ.

Прошу извиненія за грубоватую аналогію, но мнѣ сдается, что въ вопросѣ о проституціи мы весьма недалеко ушли отъ сомнительной условности обществъ покровительства животнымъ. Вопросъ ставится совершенно на тѣ же шаткія основы компромиссовъ между безусловнымъ и неизбѣжнымъ зломъ общественнаго явленія и его условною, житейски-практическою «пользою».

Мы хотимъ остановить распространеніе проституціи и, для начала, обуздать наглую торговлю живымъ товаромъ. Очень хорошо

будеть, если переловятъ разныхъ аферистовъ и аферистокъ, промышляющихъ бѣлыми невольницами на проституціонномъ рынкѣ, если затруднятъ кандидаткамъ въ проституцію доступъ къ позорному ремеслу и т. д. Но я не думаю, все-таки, чтобы всѣ эти палліативы стоили названія борьбы съ распространеніемъ проституціи и чтобы, даже при самомъ тщательномъ проведеніи ихъ въ жизнь, проституція перестала распространяться: ростъ ея не отъ нея зависитъ, и остановится онъ и пойдетъ на убыль не отъ тѣхъ искусственныхъ мѣръ, какими мы воображаемъ упорядочить рыночное предложеніе проституціи, но только и исключительно отъ этическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, реформъ, которыя, преобразовавъ фізіономію современнаго общества, естественнымъ путемъ уничтожатъ проституціонный рынокъ или, по крайней мѣрѣ, понизятъ на немъ спросъ. Пусть общество не нуждается или какъ можно меньше нуждается въ проституткѣ, и промыселъ самъ собою сведется на нѣтъ, фатально исчезнетъ, ликвидируется. Проститутка – рабочая

на половой инстинктъ. Трудъ ея подчиненъ тѣмъ же законамъ роста, какъ и всякій трудъ: гдѣ есть въ немъ потребность, онъ развивается; гдѣ падаетъ потребность, — тамъ замираетъ, сокращается, уничтожается и онъ. Въ состояніи ли общество, при современныхъ условіяхъ своего быта, отказаться отъ обладанія этимъ женскимъ классомъ, отъ спроса на его услуги? Дѣйствительность говоритъ: нѣтъ, не въ состояніи. Тогда не будемъ и хвалиться столь громкими предпріятіями, какъ борьба съ проституціей. Условимся лучше замѣнить широкія задачи просто выработкою кое-какихъ внѣшнихъ приличій, чтобы обществу было не столь зазорно и опасно пользоваться жертвами своего темперамента и, воспользовавшись, потомъ смотрѣть имъ въ глаза, — чтобы свинство спроса вуалировалось благовидностью и закономерностью предложенія.

— Злополучная падшая женщина! порочная и несчастная торговка собственнымъ тѣломъ! Отвѣтствуй намъ: что ты за сфинксъ неразрѣшимый? Мы учреждаемъ для тебя исправительныя пріюты: тебя въ нихъ не

заманишь и калачомъ, а, заманутая, ты бѣжишь изъ нихъ, куда глаза глядятъ, только бы уйти. Мы учреждаемъ для надзора за тобою врачебно-полицейскую инспекцію: ты обращаешь ее въ вѣдомство, за покровительство коему муза трагедіи споритъ съ музою оперетки. Мы арестуемъ, судимъ, сажаемъ въ тюрьмы, ссылаемъ твоихъ развратителей и рабовладѣлицъ... и эта гидра неистребима, на мѣсто каждой отрубленной головы ея вырастаютъ три новыхъ. Только что защитили тебя отъ жестокой, наглой эксплуатаціи, а ты уже опять по уши увязла въ ней, и опять вся, какъ паутиною, опутана долгами, контрактами, условіями разныхъ агентовъ и агентшъ, сводниковъ и сводней. Ужели ты неисправима? Ужели тщетны наши усилія, и миль тебѣ развратъ для разврата, и нельзя тебя отвлечь отъ него ни крестомъ, ни пестомъ, ни честною молитвою? Однако, вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ насъ увѣряютъ неподдѣльные знатоки сердца человѣческаго, что ты – самое несчастное и страдающее существо въ подлунномъ мірѣ, что ты ужасаешься самой себя, льешь о себѣ покаянныя слезы, что ты – Соня Марме-

ладова, святая душа въ оскверненномъ тѣлѣ. Если такъ, опомнись, Соня Мармеладова! Брось стези порока, по коимъ водить тебя продажный развратъ, и возвратись на путь добродѣтели, куда мы тебя великодушно призываемъ...

Соня Мармеладова отвѣчаетъ:

– Я со всею готовностью-съ... Но, вѣдь, вступивъ на путь добродѣтели, стоять на немъ неподвижнымъ столбомъ невозможно-съ, а надо по оному пути идти впередъ, далѣе, въ текущую жизнь-съ?

– Конечно!.. Мы поведемъ тебя! Мы просвѣтимъ тебя! Мы покажемъ тебѣ прямую дорогу!

– Чувствительнѣйше благодарна. Только вотъ что скажу вамъ, милостивые государи мои: чтобы идти, – тамъ ли, сямъ ли? – впередъ, нужны средства-силенки. А у меня и на пути порока часто подкашиваются ноги отъ голодухи. Такъ боюсь, что на пути добродѣтельнымъ-то я и вовсе паду, какъ заѣзженная клячась... вотъ какъ надорвалась, царство ей небесное, Катерина Ивановна, покойная мачеха моя, ежели изволите ее

ПОМНИТЬ.

Этическія воздѣйствія – сила хорошая, но и они – палка о двухъ концахъ. Нѣтъ на свѣтъ книги болѣе свѣтлой, благой, братолюбивой, чѣмъ Евангеліе Христово. И, однако, я зналъ человѣка, который изъ всего Евангельскаго содержанія любилъ только одинъ стихъ, потому что толковалъ его, какъ благословеніе на ненависть къ человѣчеству. Былъ онъ паренъ гордый, рабочій, нищій, не попрошайка. Остался, послѣ болѣзни, безъ мѣста, перебивался, чѣмъ и какъ могъ, жилъ въ углахъ; наконецъ, силъ не стало: протягивай руку за подаваніемъ, либо околѣвай. И вотъ навернулся благотворитель. Прочелъ истощенному, озлобленному, полубольному, голодному человѣку лекцію о смиреніи, о промышлѣ, о прилежаніи въ трудѣ, подарилъ Евангеліе, пожалѣлъ, что «нѣтъ у меня для васъ никакой работы», далъ рубль денегъ и исчезъ. Изъ рубля у парня три четвертака отняла за долгъ хозяйка угла, гдѣ онъ сгнивалъ, четвертакъ онъ проѣлъ – а, четверо сутокъ спустя, подобрали его на Даниловомъ кладбищѣ, за Москвою, въ тифѣ, и отвезли въ больницу. Натура

была сильная: выдержалъ. Врачи заинтересовались интеллигентомъ, который чуть не умеръ отъ голода, поддержали его кое-какою работою; онъ сталъ на ноги, вышелъ въ люди и въ послѣдствіи былъ извѣстенъ въ адвокатурѣ, какъ... рвачъ самой жестокой и безсовѣстной марки. И однажды, въ интимномъ и очень бурномъ разговорѣ на благотворительную тему, въ которой онъ былъ близко и нехорошо заинтересованъ, онъ крикнулъ мнѣ, пишущему эти строки, жестокія, самозабвенныя слова:

– Что вы попрекаете меня христіанствомъ, Евангеліе въ примѣръ приводите? Что вы въ немъ понимаете? Что вы можете понимать? Вы читали Евангеліе въ теплой комнатѣ, сытый; а я – на Даниловомъ кладбищѣ, подъ осеннимъ дождемъ, съ пустымъ брюхомъ... Помню-съ: «алкалъ я, и вы не дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили меня»... А потомъ я продалъ Евангеліе кладбищенскому нищему за пятакъ, а силы пойти, чтобы себѣ хлѣба купить, мнѣ уже не достало, и я легъ на могильную плиту и сталъ умирать... Вотъ и все мое Евангеліе. «Алкалъ я, и вы не дали

мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили меня». Помню это, – и довольно съ меня. Тутъ цѣлое міровоззрѣніе!

Если бы всѣ господа благотворители хорошо помнили этотъ стихъ, они никогда не посмѣли бы давать Евангеліе въ руки голоднымъ людямъ, прежде чѣмъ ихъ накормить.

Таисъ, вотъ, я думаю, что и съ этическими воздѣйствіями на міръ падшихъ женщинъ мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго успеха до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ алкать и жаждавать, а мы не сумѣемъ накормить и напоить ихъ иначе, какъ при условіи продолженія ими той же профессіи, отъ которой мы беремъ ихъ спасать.

Мнѣ скажутъ:

– Позвольте. Одинъ изъ наиболее существенныхъ пунктовъ программы къ борьбѣ съ проституціей въ томъ и заключается, что мы предлагаемъ падшей женщинѣ замѣнить добычу труда позорнаго заработкомъ труда честнаго.

Милостивые государи! Еще разъ повторю: этика – вещь прекрасная. Но вѣдь и политическая экономія – наука недурная. А она, увы!

не дѣлать труда на позорный и честный, но лишь на легко добывающій и трудно добывающій, при чемъ учить, что благо, добытое трудомъ легкимъ, натурѣ человеческой свойственно предпочитать благу, добытому трудомъ тяжкимъ, и что трудовой идеалъ человечества – отнюдь не въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ, выбирая его изъ волчцовъ и тернія, но наибольшая заработная выгода при наименьшей затратѣ рабочей силы. И еще: однажды обладавъ какимъ-либо благомъ, человекъ не легко примиряется съ его лишеніемъ и очень туго соглашается на сбавку блага. И потому-то позорный, но легкій, по доходности, промыселъ проститутки побѣждаетъ честные, но тяжелые и маловыгодные виды женскаго труда. Потому-то проститутка, извлеченная изъ дома терпимости или отъ тайной эксплуататорши-хозяйки и опредѣленная къ какому-нибудь утомительному-рабочему, а тѣмъ паче къ «черному» мѣсту, почти обязательно обращается чрезъ нѣкоторое время вспять, оказывается рецидивисткою и до тѣхъ поръ, пока нравственный уровень нашего общества не поднимется на-

столько, что честные виды женскаго труда будут дѣлаться, если не вровень, то хоть въ одну треть заработка проститутки, до тѣхъ поръ я сильно опасатся, что кадры вреднаго злополучнаго класса не будутъ задержаны въ прогрессивномъ ростѣ своемъ ни нравственными воздѣйствіями, ни полицейскими мѣрами.

Если хотите, чисто-проституціоннаго вопроса не существуетъ вовсе. Есть только вѣчный, жгучій вопросъ женскаго подчиненія и женскаго труда, одною изъ болячекъ котораго является проституція. Мы видимъ въ ней аномалію, и она, дѣйствительно, является аномаліей въ общественномъ укладѣ христіанскаго государства, но аномаліей не самостоятельной, а производной, уродливою вѣтвью отъ уродливаго корня, а не корнемъ. Очень хорошо заботиться о томъ, чтобы женщинъ въ проституцію не совращали, а совращенныхъ не обижали. Но сколько бы реформъ въ этомъ направленіи ни было проведено, всѣ онѣ — только полумѣры безъ успѣха или съ кратковременнымъ, мнимымъ успѣхомъ. Серьезною, коренною реформою можетъ очистить обще-

ство отъ проституціи только рѣшительная, полная переоцѣнка культурою будущаго столь огромной міровой цѣнности, какъ женщина, крутой переломъ въ нашихъ отношеніяхъ къ ея личности, труду, образованію, праву.

Проститутка по природной развращенности, по лѣни и неохотѣ къ честному труду, — очень рѣдкое явленіе, по крайней мѣрѣ, въ Россіи. Русская падшая дѣвушка, въ девяти случаяхъ изъ десяти, становится продажною исключительно потому, что честный трудъ ее не кормитъ или кормитъ при слишкомъ ужъ тяжелыхъ условіяхъ. Изъ этого правила я не исключаяю и тѣхъ, которыя были вовлечены въ развратъ обманомъ, такъ какъ для нихъ честный трудъ, плохо кормящій и непорочныхъ, дѣлается особенно скуднымъ и даже почти недоступнымъ по этическому лицемѣрію общества; мы — мастера губить дѣвушекъ, но еще большіе мастера возмущаться потомъ ихъ паденіемъ. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ и трагикомическихъ обмановъ нашего мужского лицемѣрія состоитъ въ томъ, что мы даже каторжныя формы жен-

скаго труда, существующія въ современной цивилизаціи, опредѣлили женщинѣ не просто, а какъ бы въ награду за ея добродѣтельное поведеніе. Ты добродѣтельна, – ну, вотъ тебѣ за это высокая честь: каторга труда кухарки, горничной, «бонны за все», гувернантки при семи ребятахъ, телефонной барышни, телеграфистки съ суточными дежурствами. Наслаждайся своею добродѣтелью и своимъ трудомъ. Ты пала, – кончено: мы не позволимъ тебѣ быть ни «бонною за все», ни гувернанткою при семи дѣтяхъ, ни телефонною барышнею ни телеграфисткою съ суточнымъ дежурствомъ. Всѣ эти блаженства для цѣломудренныхъ; ты же ступай, куда знаешь, – пожалуй, хоть и въ проститутки.

Земледѣльческій періодъ русской цивилизаціи быстро идетъ къ концу. Городъ беретъ верхъ надъ деревнею, городской теле-нокъ все громче похваляется, что онъ умнѣе деревенскаго быка, люди скорѣе согласны босячить, но на асфальтовой мостовой и подъ электрическими фонарями, чѣмъ сидѣть въ лѣсу и молиться пню, даже при изобиліи. При

отсутствіи же изобилія, слишкомъ ярко характерномъ для послѣднихъ лѣтъ нашего отечества, переселеніе деревни въ городъ особенно мощно и многолюдно. Городской трудъ великъ и многообразенъ, но и въ его области «цѣнь на бабу нѣтъ».

Помню я: въ одномъ интеллигентномъ семействѣ большого южнаго города, очень порядочномъ, зашла рѣчь о развращенности современной прислуги, – тема, излюбленная хозяйками всѣхъ вѣковъ и народовъ. Въ данномъ случаѣ, хозяйка дома была особенно пылко заинтересована: ей везло такое несчастіе, что въ теченіе года у нея «сманули» послѣдовательно двухъ молодыхъ горничныхъ. Теперь служила трегья, дѣвица юная, некрасивая, неумѣлая, взятая именно за то, что она прямо изъ деревни и не испорчена городскими мѣрами.

– Помоему, – возразилъ отецъ семейства, человекъ свободно благомыслящій, – помоему, вся эта пресловутая развращенность – дамская фантазія. И удивляться надо не тому, что извѣстный процентъ Машекъ и Ленокъ уходитъ отъ насъ, обывателей, изъ прислуги

въ погибшія, но милыя созданія, но тому, какъ процентъ этотъ еще вдесятеро не выше.

— Почему это? — взволновалась хозяйка.

— Потому что возьмемъ хотя бы эту Дуню, которая теперь намъ служить. Мы считаемся добрыми, хорошими господами, прислуга насъ любитъ. Однако, при всей вашей добротѣ и прекраснодушїи, вотъ дневная работа Дуни. Встала она въ шестомъ часу утра, растопила четыре печи, вымела и вытерла тряпкою полъ въ семи комнатахъ, облазила со щеткою углы, зеркала, картины, мебель (мы любимъ чистоту), подала на столъ и убрала со стола самовары для трехъ чаевъ со всѣмъ подобающимъ сервизомъ, накрыла завтракъ и обѣдъ на семь человѣкъ и служила имъ, перечистила платье и обувь для семи человѣкъ, гладила на кухнѣ для барыни, разъ двѣнадцать выпустила и впустила на подвѣздъ своихъ и чужихъ, разъ шесть, семь бѣгала по-нашимъ порученіямъ въ лавку, трижды чистила «невѣжество» за котами Марьи Сергѣевны, привела въ порядокъ семь постелей на ночь... Сейчасъ уже двѣнадцать часовъ ночи, у насъ всегда сидятъ до двухъ и

больше, а она не спитъ, и завтра ей вставать опять въ половинѣ шестого. Комнаты у нея нѣту, и постель ея стоитъ за шкапомъ въ коридорѣ, ѣстъ она на ходу. При этомъ отъ нея требуются опрятность, быстрота, ловкость, сообразительность, чистоплотность, преданность и желаніе соблюдать господскіе интересы паче собственныхъ. И все это цѣнится въ десять рублей серебра мѣсячнаго жалованья, то есть въ 33 копейки за день, — при чемъ всѣ пріятельницы увѣряютъ Марью Сергѣевну, что прислуга насъ просто грабитъ. И, дѣйствительно, вы можете имѣть въ нашемъ городѣ прислугу и на пять, на шесть рублей, а въ недородный годъ шли за три. Если, при многочисленности своихъ занятій, Дуня въ чемъ-нибудь не довернется, вы, все за тѣ же 33 копейки въ день, имѣете право обругать ее негодницею, лѣнтяйкою, дармоѣдкою, а, въ случаѣ упорства или непослушавія, тѣмъ болѣе дерзости, можете бросить ей паспортъ и выгнать ее на улицу. Повторяю: мы слываемъ добрыми, хорошими господами. И я не сомнѣваюсь, что личныя симпатіи къ намъ значительно задержали и Машу, и Леву въ

стремленіи катиться по наклонной плоскости. Отъ другихъ онъ бѣжали бы на содержаніе мѣсяцемъ, двумя раньше. Но вполне парализовать наклонной плоскости мы, конечно, не могли.

– Что же онъ – въ деревнѣ меньше что ли работы видѣли? – всплыла «сама».

– Не меньше. Но не забудь, что отъ деревенской работы онъ ушли въ городъ, – стало быть, искали не такого труда, чтобы былъ вровень съ деревенскимъ, а лучшаго, болѣе доходнаго и легкаго. А попали на – вонъ какой! Не говорю уже о томъ, что есть огромная психологическая разница между работою на себя въ натуральномъ хозяйствѣ деревенскаго дома и работою на чужихъ, въ качествѣ вольнонаемной прислуги у господъ. Да-съ. Пришли искать лучшаго и легчайшаго, – анъ, опредѣлились на маленькую каторгу за 33 копейки въ день.

– А помнишь, въ Ниццѣ намъ служила одной прислугой Сюзаннъ? Какая работница была: десять нашихъ ея не замѣнятъ. И платили мы ей франкъ въ день. И не знала она никакихъ увлеченій...

– Франкъ въ день! Шутишь ты съ франкомъ въ день! Тамъ франкъ, – мѣстная денежная единица, какъ у насъ рубль, и на франкъ, по условіямъ быта, можно прожить, какъ у насъ на рубль. Тридцать франковъ для ниццардки – тридцать рублей, а для нашей Дуни – только двѣнадцать. Это – разница. Изъ десяти рублей своего жалованья Дуня семь отсылаетъ роднымъ въ деревню. Такимъ образомъ, честный городской трудъ лично ее вознаграждаетъ за рабство десятью копейками въ день, – меньше, чѣмъ оплачивается самая низшая поденщина, не требующая ничего, кромѣ тупой физической силы. Лестно, не правда ли? Такъ что же и удивляться, если этотъ злополучный гривенникъ не въ состояніи выдержать конкуренціи съ десятирублевымъ золотымъ, который ей предлагаетъ частный повѣренный Чижикъ за то, что она придетъ къ нему на квартиру пить чай съ конфетами, изъ фарфороваго блюдечка, съ серебряной ложечки? За гривенникъ въ сутки – перспектива убирать «невѣжество» за котами; за десять рублей въ сутки – серебряная ложечка и фарфоровое блюдечко. Ей-

Богу, бой соблазновъ слишкомъ неравень.

– Должны же бытъ нравственныя начала въ человѣкѣ!

– А вотъ ты сперва вѣдри ихъ въ человѣка, эти нравственныя начала, а потомъ уже съ него и спрашивай стойкой нравственности. Да вѣдряй-то разумно, съ ранняго дѣтства, да, главное, въ сытаго и не битаго. А то у насъ, за спорами, какія школы лучше для народа, вовсе никакихъ нѣтъ. Откуда же ему нравственными началами раздобываться? Ищемъ, чего не положили, и сердимся, что не находимъ.

Читатель остановитъ меня:

– Позвольте. Вы начали положеніемъ, что проституція уничтожится только тогда, когда совершится реформа женскаго труда, образованія, права. А теперь выходитъ у васъ какъ-то; что чуть ли не вся бѣда въ томъ, что мы платимъ мало жаловаиья женской прислугѣ. Такъ прибавить, – и вся недолга.

– Прибавить? А нуте-ка! прибавьте!

И вспоминаются мнѣ блестящіе черные глаза и насмѣшливое лицо одной странной интеллигентной дѣвушки, самаго оригиналь-

наго и гордо разочарованнаго существа, какое зналъ я въ жизни. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она перебивала учительницею, гувернанткой, помощницею бухгалтера въ банкирской конторѣ, телефонною барышнею, выходною актрисою, счетчицею въ желѣзнодорожномъ правленіи, секретарствовала у знаменитаго писателя и завѣдывала книжнымъ магазиномъ. Служила всюду хорошо, по службѣ нигдѣ никогда никакихъ упущеній, но... всегда и вездѣ всѣ какъ будто немножко, а иногда и очень множко недоумѣвали: зачѣмъ это ей? Красавица, а служить. Ей бы на содержаніи, въ коляскахъ кататься, а не надъ конторкою спину гнуть.

– Женскій трудъ! Боже мой! Я работала, какъ волъ, по двѣнадцати часовъ въ сутки, становилась полезнѣе всѣхъ служащихъ, – и не могла подняться выше пятидесяти, шестидесяти рублей жалованья. Когда я жаловалась, что мало получаю, что моя работа стоитъ дороже, на меня широко открывали глаза и возражали: – Помилуйте! Это мужской складъ! Сколько у насъ мужчины получаютъ! – Да вѣдь они за пять часовъ получаютъ и еще

дѣлають вамъ все, спустя рукава, а мы по двѣнадцати сидимъ...

– Невозможно-съ! По принципу-съ!.. На то они мужчины... Но, стоило мнѣ перестать быть «служащею», а улыбнуться и пококетничать, какъ полагается женщинѣ «по природѣ ея», и... Сезамъ отворялся. И прибавка, и ссуда, и награда... Такъ вотъ и тычуть тебѣ въ носъ всю жизнь: покуда ты, баба, лѣзешь заниматься нашимъ мужскимъ дѣломъ, дотолѣ тебѣ, баба, цѣна ломаный грошъ, хоть будь ты сама Семирамида Ассирійская. А вотъ займись ты, баба, своимъ женскимъ дѣломъ, и – благо тебѣ будетъ: купайся въ золотѣ, сверкай брилліантами, держи тысячныхъ рысаковъ. А женское дѣло выходитъ, по ихнему, – проституція[1].

Добывать честнымъ трудомъ хлѣбъ свой – и право и обязанность каждаго человека. Но что въ правѣ, если оно ограничено въ дѣйствиіи своемъ настолько, что не можетъ быть осуществлено? Какой нравственный смыслъ сохраняетъ обязанность, если она неисполняма при обычныхъ условіяхъ жизни, если она обращена въ хроническій подви-

гь, ежедневно требующій геройскихъ усилій? Да! Между русскими трудящимися мужчинами – много героевъ; но русская женщина, умѣющая работать бодро и не ропща при современныхъ унижительныхъ и тяжелыхъ условіяхъ ея честнаго труда, – всегда героиня, при томъ героиня незамѣтная, неоцѣненная; на геройство ея какъ-то принято не обращать вниманія. Она – точно обязана быть героинею, точно предписаніе геройства поставлено въ непремѣнныя нравственныя условія ея трудового контракта съ нами, «мужскимъ сословіемъ».

– Самостоятельности хочешь? Не желаешь смотрѣть на свѣтъ изъ-за мужниной спины! Ну, и бейся, какъ рыба, объ ледъ.

– Господа, будьте же справедливы! За что?

– Ни за что, а... выходи замужъ.

– Да если я никого не люблю?

– Глупая, хлѣбомъ будутъ кормить.

– Я желаю быть обязана своимъ хлѣбомъ только самой себѣ.

– Такъ вотъ тебѣ и говорятъ: бейся, какъ рыба объ ледъ.

Замужъ – это выходъ «благородный», это –

«женщинъ счастье»: избавили отъ труда и за супружескія ласки кормятъ хлѣбомъ. При меньшемъ счастьи, народы изумляются: почему ты труженица, а не содержанка? Почему ты изнываешь «въ боннахъ за все», когда въ кафешантанномъ хорѣ даютъ уйму денегъ за одну фигуру? Почему ты стираешь бѣлье въ прачечной, а не идешь пить чай къ частному повѣренному Чижику? Недоумѣніе и борьба. И чтобы успѣшно выдержать борьбу, женщина должна быть либо героинею, либо дурнушкою. Зато и не везетъ же ииъ!

Проституція вьетъ свои гнѣзда не только по улицамъ и вертепамъ, она и живетъ и свирѣпствуетъ много выше. Она многолика и ловитъ женщину въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и на всѣхъ путяхъ ея къ самостоятельному труду и существованію, отъ нижайшихъ слоевъ общества до верхушекъ его. отъ горничныхъ Маши и Лены, которыхъ какая-нибудь подвальная ходябщица сватаетъ въ наложницы частному повѣренному Чижику, до блистательной столичной актрисы, которая сходится съ театральнымъ тузомъ, потому что «безъ покровителя невозможно», до

свѣтской дѣвушки, которую поспѣшно выдаю-
тъ замужъ за антипатичнаго ей человѣка,
потому что онъ съ состояніемъ, а она
замѣчена въ преступной «склонности къ иде-
ямъ».

– Выйди замужъ и имѣй свои идеи... на
всемъ готовомъ, если мужъ позволитъ. А по-
рядочная дѣвушка должна быть безъ идей.

Проституція можетъ чувствовать себя
госпожею положенія даже въ лонѣ
наизаконнѣйшей семьи. И вотъ я и думаю,
что пока общество не справится въ собствен-
ныхъ нѣдрахъ своихъ съ этою проституціей,
что создается женскимъ трудовымъ, право-
вымъ и образовательнымъ неравенствомъ,
безсильно оно и регулировать проституцію
улицы и домовъ терпимости. Потому что вто-
рая – только логическій плодъ и неизбѣжный
житейскій отбросъ первой.

Объ проституціи невозможны тамъ, гдѣ
мужчина и женщина – равнозначущія, свя-
занныя взаимнымъ уваженіемъ, обществен-
ныя силы.

Объ неизбѣжны тамъ, гдѣ одинъ – мужчи-
на – общественная сила, ревнивая и надмен-

ная въ своей дѣятельности, а женщина, – исключительно или прежде всего, – «земля для посява», какъ характеризуютъ ее мусульмане.

Уравняйте женщину съ собою въ правахъ на образованіе, трудъ и заработную плату. Поставьте ее такъ, чтобы проституція, въ какой бы то ни было формѣ, не оказывалась для нея выгоднѣе честнаго труда, – и тогда вамъ не нужно будетъ собирать ни съѣздовъ, ни конгрессовъ: вопросъ о проституціи умретъ самъ собою. А безъ общественнаго равенства трудящейся женщины съ трудящимся мужчиною всѣ съѣзды и конгрессы – только новые кирпичи въ адскую мостовую добрыхъ намѣреній, надъ которою такъ злобно хохочетъ сатана...

У него тамъ славно вымощено!

1902.

Мои мысли о борьбѣ съ проституціей вызвали пылкія возраженія со стороны аболиціониста В. В. Зѣньковскаго.

Г. Зѣньковскій упрекаетъ меня, какъ «мечтателя о коренныхъ реформахъ» въ области женскаго вопроса, въ презрительномъ равнодушіи къ великому аболиціонистическому движенію, которымъ сейчасъ энергично всколыхнулись Европа и Россія. Источникъ моего якобы презрительнаго отношенія къ аболиціонистической работѣ г. Зѣньковскій усматриваетъ въ маломъ моемъ знакомствѣ съ нею. «Если бы г. Иксъ[2] потрудился прочитать хотя бы книги Ренве-Амъ-Рина («Недостатки современнаго надзора за общественною нравственностью»), Гюйо (La Prostitution»), Окорокова («Международная торговля дѣвушками для цѣлей разврата»), Покровской («Регистрація способствуетъ вырожденію народа»), — онъ понялъ бы, что задачи, которыя себѣ ставитъ аболиціонизмъ, жизненны и чрезвычайно широки».

Имѣю эти труды, читаль: они интересны, полезны, поучительны[3]. А, сверхъ того, полагаю, что неоспоримое положеніе г. Зѣньковскаго: «Задачи, которыя себѣ ставить аболиціонизмъ, жизненны и чрезвычайно широки», – не требуетъ никакихъ искусственныхъ и книжныхъ доказательствъ. Оно ясно безъ всякихъ книгъ. Само собою, «нутромъ» ясно. Аболиціонизмъ – инстинктивный протестъ испуганной и возмущенной человѣческой природы противъ слишкомъ нагляднаго и осязательнаго, мучительнаго зла. Законность этого естественнаго протеста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Больше того: черствое сердце у того человѣка, который не присоединяется къ протесту. Мое же, – по не весьма для меня лестному мнѣнію г. Зѣньковскаго, – оказывается черствымъ изъ черствыхъ, такъ какъ я, будто бы, даже издѣваюсь надъ аболиціонизмомъ, поднимаю его на смѣхъ. Откуда это г. Зѣньковскій взялъ, – не усматриваю въ своей статьѣ, равно какъ и того, чтобы я проповѣдывалъ «квіэтизмъ» до отношенію къ проституціонному вопросу...

Аболиціонистическіе опыты и упражненія я очень уважаю, самъ въ нихъ неоднократно участвовалъ, охотно участвую и, конечно, не разъ еще буду участвовать. Думаю, словомъ, что практически я – столько же аболиціонистъ, не принимая на себя этой клички, сколько и мой оппонентъ. Теоретическая же разница между нашими взглядами та, что г. Зѣньковскій оптимистически вѣритъ:

– Спасая и охраняя падшихъ женщинъ, аболиціонисты уничтожаютъ проституцію.

Я же, менѣе склонный къ радужнымъ упованіямъ и розовымъ миражамъ, говорю:

– Спасая и охраняя падшихъ женщинъ, мы спасаемъ и охраняемъ (при томъ, рѣдко съ удачею) только извѣстное количество извѣстныхъ намъ падшихъ женщинъ. Проституцію же, какъ соціальній институтъ, мы благородными палліативами аболиціонизма уничтожить не можемъ. Ростъ проституціи остановится (а? что остановилось въ ростъ, обречено на вымираніе) исключительно отъ этическихъ, общественныхъ, экономическихъ реформъ, которыя уравни-

няютъ образованіе, трудовыя и гражданскія права женщины съ таковыми же правами мужчины. И, прежде всего, практически необходимо равенство правъ экономическихъ. Какъ скоро увеличатся въ числѣ и расширятся въ компетенціи области честнаго женскаго труда, какъ скоро честный заработокъ женщины будетъ въ состояніи парализовать для нея необходимость или соблазнъ заработка черезъ половую самопродажу, — смертный приговоръ проституціонному институту (по крайней мѣрѣ, въ современныхъ его формахъ) будетъ произнесенъ; а приведеніе приговора въ исполненіе временемъ станетъ дѣломъ весьма короткаго срока.

Итакъ, еще разъ: чтобы уничтожить проституцію, нужно, прежде всего, уничтожить соблазнъ ея экономическихъ преимуществъ предъ честнымъ женскимъ трудомъ, возвысивъ его заработную плату до мужского уровня, что достижимо только коренною реформою женскихъ правъ въ обществѣ будущаго. Слѣдовательно, давайте стремиться къ коренной реформѣ женскихъ правъ. Вотъ прямой и, я полагаю, единственно возмож-

ный выводъ изъ моей статьи. Сколько въ немъ «квіэтизма», предоставляю судить читателю.

Г. Зѣньковскій укоряетъ меня теоретическимъ «смотрѣніемъ въ корень» въ ущербъ (?) живому, практическому дѣлу, и черезчуръ, по его мнѣнію, большимъ значеніемъ, которое я придаю въ вопросѣ о проституціи фактору экономическому. Онъ напоминаетъ мнѣ, что зло проституціи можетъ быть порождено и иными соціальными причинами и принужденіями, какъ, на примѣръ, въ античномъ мірѣ существовала проституція религіозная. Но возраженіе г. Зѣньковского не опровергаетъ, а только подтверждаетъ необходимость «смотрѣнія въ корень», которое онъ странно ставитъ мнѣ въ вину. Экстатически-чувственные восточные культы, проникавшіе и въ Европу, создали религіозную проституцію, отголосокъ докультурной полиандріи. Существуетъ ли религіозная проституція въ настоящее время? Нѣтъ, не существуетъ, – по крайней мѣрѣ, въ странахъ европейской цивилизаціи. Что убило ее? Старанія античныхъ аболиціонистовъ?

Увы, ихъ не было. Убила «коренная реформа»: міровая побѣда религіозныхъ культовъ духа (іудаизма, христіанства, ислама, – изъ древнихъ религій: миѳраизма, Изиды, синкретической религіи неоплатониковъ) надъ культурами плоти. Религіозная проституція умерла потому, что засохъ корень ея, уничтожились культы, желавшіе проституціи. Наша проституція происхожденія экономическаго. Корень ея – женское неравенство съ мужчиною въ трудовыхъ правахъ и заработной платѣ. Женщина поставлена въ невозможность существовать иначе, какъ на счетъ мужчины, пріобрѣтающаго ее, семейно или внѣсемейно. Самостоятельная жизнь для женщины окупається такимъ жестокимъ, тяжкимъ, почти аскетическимъ подвигомъ, что нести его бодро и успѣшно дано только натурамъ выдающимся, необычайнымъ, святымъ; это – героини и мученицы идеи. Для женщины средняго уровня способностей и энергіи, самостоятельная трудовая жизнь, – крайне неблагоприятно вознаграждаемая, житейская каторга. Для женщины слабой утомленіе этою неблагоприятною каторгою заурядъ

разрѣшается въ дезертирство изъ-подъ трудового знамени: самопродажею обратно подъ мужскую опеку и на мужскіе кормы. Таковы отвратительные браки съ первымъ встрѣчнымъ, лишь бы хлѣбомъ кормилъ, – и проституція. Марья Андреевна въ «Бѣдной Невѣстѣ» – очень близкая родственница Сонѣ Мармеладовой. И покуда Марьямъ Андреевнамъ нѣтъ дороги къ достаточно сытному куску хлѣба иначе, какъ черезъ спальню Максима Беневоленскаго, – наивно изумляться и плакаться, что Марьи Андреевны гибнутъ въ неравныхъ, вынужденныхъ бракахъ сотнями тысячъ. Это – роковое, неизбѣжное. Покуда Соня Мармеладова не въ состояніи накормить себя, помочь измученнымъ трудомъ махехъ, ссудить отцу двугривенный на выпивку, да хоть сколько-нибудь прибрать и хоть копѣчнымъ пряникомъ побаловать малютку Мармеладовыхъ, – не въ состояніи иначе, какъ навязываясь прохожимъ на Невскомъ проспектѣ, – до тѣхъ поръ наивно изумляться и слезно плакаться, что Сонями Мармеладовыми кишать вечернія улицы и дома терпимости. Это – роковое и неизбѣжное. И тутъ

аболиціонистическое движеніе, при всей его почтенности, совершенно безсильно. Потому что, какъ изъ сотни кроликовъ не выходитъ одной лошади, такъ и тысячи падшихъ женщинъ не составляютъ собою проституціи. И, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, даже тысячи дѣвушекъ, не допущенныхъ къ самопродажѣ или извлеченныхъ изъ нея филантропическимъ путемъ, все-таки не рѣшаютъ проституціоннаго вопроса: что обществу дѣлать, чтобы исцѣлиться отъ проституціонной язвы. Кто беретъ на себя смѣлость посильно разсуждать о загадкѣ столь глубокой важности, тому, право же, лучше смотрѣть въ корень ея, чѣмъ довольствоваться плаваніемъ по видимой поверхности вопроса...

Я говорилъ и повторяю:

Очистить общество отъ проституціи можетъ только рѣшительная, полная переоцѣнка культурою будущаго столь огромной міровой цѣнности, какъ женщина: крутой переломъ въ нашихъ отношеніяхъ къ ея личности, труду, образованію, праву.

Цитируя мои слова, г. Зѣньковскій призна-

еть, что съ ними «врядъ ли кто не согласится, – врядъ ли не согласятся и тѣ, непріятные для г. Икса, люди, которые такъ энергично борются съ проституціей».

Откуда взялъ г. Зѣньковскій увѣренность, будто мнѣ непріятны люди, которые энергично борются съ проституціей, и за что онъ бросаетъ въ меня этою оскорбительною фразою, – оставляю на его совѣсти. Не въ томъ дѣло. Главное «врядъ ли кто не согласится». Что касается аболиціонистовъ, то, конечно, они, какъ болѣе и ближе знакомые съ условіями проституціоннаго міра, даже не «врядъ ли», а прямо-таки должны согласиться прежде всѣхъ другихъ. Но тутъ-то и обличается мое коварство. Я сказалъ очень хорошо, по аттестаціи г. Зѣньковского. Но, – это? господа, будетъ уже не мое, а г. Зѣньковского «но»: – «Обратите вниманіе на его (т. е. мои) слова: «рѣшительная полная переоцѣнка», «крутой переломъ». Такъ какъ ясно, что этотъ крутой переломъ и рѣшительная переоцѣнка во всемъ объемѣ наступятъ очень и очень нескоро, то, конечно, должно остаться совершенно спокойнымъ и ровно ничего не дѣлать, такъ

какъ ни единоличными усиліями, никакими конгрессами «крутого перелома» не создать».

Да? въ самомъ дѣлѣ? Ну, на этотъ разъ перевѣсъ въ оптимизмѣ за мною. Я не имѣю столь твердой вѣры въ хронологическую устойчивость женскаго рабства, поддерживаемаго буржуазною культурою, и былъ бы очень несчастливъ, если-бы мнилъ исторію двадцатаго вѣка уликою, которая ѣдетъ, когда-то будетъ. Девятнадцатый вѣкъ пробилъ въ стѣнахъ женской Бастиліи столько брешей, что часъ перелома, о которомъ мы говоримъ, представляется мнѣ совсѣмъ не такимъ безнадежно далекимъ, а работа для его ускоренія совсѣмъ не такимъ отвлеченнымъ, теоретическимъ «смотре́ніемъ въ корень», какъ воображаетъ ее г. Зѣньковскій, столь благонадежно уповающій на черепашію ходъ улики.

Г. Зѣньковскій относитъ меня къ рязряду тѣхъ сторонниковъ коренныхъ реформъ, которые, признавая цѣлесообразными единственно таковыя, спѣшатъ въ то же время оговориться, что онѣ невозможны. Опять г. Зѣньковскій приписываетъ мнѣ, — и еще въ

кавычкахъ, стало быть, какъ цитату моихъ точныхъ словъ, – идею, которой нѣтъ въ моей статьѣ. То-есть, что единственными цѣлесообразными къ излѣченію проституціонной язвы средствами я признаю коренныя реформы во всей общественной постановкѣ женскаго вопроса, – это вѣрно; а вотъ, что я будто бы считаю коренныя реформы «невозможными», – это ужъ г. Зѣньковскій сочинилъ отъ себя. Вся статья моя – наглядное доказательство, что для меня онѣ – не только надежда полной возможности, но и убѣжденіе требовательной и неотложной необходимости. Г. Зѣньковскій навязываетъ мнѣ собственную свою мысль. Возвращаю по принадлежности и, признаюсь, безъ благодарности. Въ контрасть мечтателямъ о коренныхъ, но невозможныхъ реформахъ, г. Зѣньковскій восхищается тѣми, которые думаютъ, что «нужно дѣлать то, что можно дѣлать». У всякаго – свой вкусъ! Спасибо этимъ добрымъ и хорошимъ людямъ, дѣлающимъ, «что можно», но не хочу терять надежды, что будетъ открытъ Сѣверный полюсъ, ни многихъ другихъ «невозможныхъ»

надеждъ. «Можность», предлагаемая г. Зѣньковскимъ въ мѣрило вещей и потребностей міра сего, – начало весьма растяжимое, не говоря уже о томъ, что совершенно субъективное. То, чего нельзя предполагать «можнымъ», не посмотрѣвъ или даже опасаясь смотрѣть въ корень, весьма часто оказывается не только возможнымъ, но и должнымъ, когда въ оный посмотримъ попристальнѣе. И, – да проститъ мнѣ г. Зѣньковскій (впрочемъ, онъ наговорилъ мнѣ столько безпричинно непріятныхъ словъ и обвиненій, что я имѣлъ бы право и безъ извиневій примѣнить къ нему правило: «долгъ платежемъ красенъ»), – проповѣдуемая имъ теорія безапелляціонной «можности» противъ зловреднаго «мечтательства» ужасно напоминаетъ классическій кодексъ умѣренности и аккуратности подъ торжествующимъ девизомъ: «Въ мои лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть». Хорошъ былъ бы прогрессъ человѣческой, если бы общество измѣряло свои идеалы современною возможностью ихъ осуществленія! *Voiege – potere*, говоритъ итальянская пословица. И – пусть людей съ идеалами «невозможнаго» на-

зываютъ не только мечтателями, но даже безумцами...

*Безумству храбрыхъ поемъ мы
пѣсню!*

*Безумству храбрыхъ поемъ мы
славу!*

*Безумство храбрыхъ есть муд-
рость жизни...*

А что касается добрыхъ людей съ идеалами «можнога», они тоже поступаютъ отлично, очень благородно, дѣлая свое «можное» какъ умѣютъ наилучше и со всякимъ тщаніемъ, потому что вреда отъ того нѣтъ, а многимъ даже можетъ быть и существенная польза. Ибо, за неимѣніемъ гербовой, пишутъ на простой, и палліативы далеко не бесполезны. Если, скажемъ для примѣра, въ глухой деревнѣ повальный дифтеритъ, то, разумѣется, нѣтъ никакого резона оставлять больныхъ вовсе безъ лѣченія, покуда не пріѣдетъ изъ города врачъ съ противодифтеритною сывороткою. Хорошо дѣлать больнымъ припарки, компрессы, инголяціи бензойнымъ натромъ, спринцованія известковою водою и многое другое, рекомендуемое «Домашнею Медици-

ною» Флоринскаго. Похвальные труды эти успешно вознаграждаются, когда изъ сотни больныхъ души двѣ-три возьмутъ, да и поправятся при участіи собственной крѣпкой природы. Честь и хвала тѣмъ, кто поставилъ ихъ на ноги, – ну, а безъ противодифтеритныхъ прививокъ эпидеміи все-таки не сломить, а безъ радикальной дезинфекціи ея изъ деревни не выжить.

Г. Зѣньковскій, заимствуя красивое mot у Н. К. Михайловскаго, находитъ у меня порокъ «любви къ дальнему вмѣсто любви къ ближнему». Собственно говоря, mot это – не Михайловскаго, а Достоевскаго, изъ «Братьевъ Карамазовыхъ», но г. Зѣньковскій нашель его у Михайловскаго въ самостоятельной работкѣ и ссылается на Михайловскаго. Весьма уважая Н. К. Михайловскаго, я долженъ, съ нѣкоторымъ стыдомъ, сознаться, что не помню, въ какомъ своемъ произведеніи, какъ и къ какому именно случаю онъ это эффектное mot примѣнилъ, а собранія его сочиненій, живя въ глуши, для справки достать не могу. Поэтому я не въ состояніи судить, въ томъ ли смыслѣ повторилъ онъ свой каламбуръ, какъ

понимаетъ г. Зѣньковскій. Но, думаю, что, должно быть, тутъ есть недоразумѣніе, — и тотъ сказано не въ томъ смыслѣ. Апостольское суженіе мысли, чувства и дѣятельности къ предѣламъ «можнога» совершенно не въ характерѣ знаменитаго публициста. Въ толкованіи цитаты г. Зѣньковскимъ каламбуръ звучитъ довольно остро, но нельзя сказать, чтобы мѣтко и мудро. Безъ любви къ дальнему не можетъ быть разумной любви къ ближнему. И вообще примѣнять къ любви линейныя мѣры разстоянія отъ ея предмета — способъ довольно двусмысленный и опасный. Въдѣ прилагательныя, какъ извѣстно, имѣють степени сравненія, и если любовь къ ближнему (не къ евангельскому «ближнему» вообще, а къ ближнему, какъ противопоставленію дальняго) должна торжествовать надъ любовью къ дальнему, то любовь къ болѣе близкому, по этой логикѣ, выше любви къ просто близкому, а прелестнѣйшею и самою желанною любовью окажется любовь къ ближайшему, т. е. любовь животнаго инстинкта, семейная интимность и та близорукая сентиментальность,

которой, въ вопросахъ общественнаго зла, по хорошей русской пословицѣ, «изъ-за деревьевъ не видать лѣса». Дѣятельная любовь слагается изъ вѣры въ общественный идеаль и стремленія приблизить къ нему явленія реальной жизни. Я высказалъ свой идеаль реформы женскаго вопроса и говорю: осуществите его въ реальномъ явленіи, — иначе борьба съ проституціей, вами предпринятая, никогда не увѣнчается рѣшительнымъ успѣхомъ. Ложный ли идеаль провозглашаю я? Нѣтъ: г. Зѣньковскій соглашается, и едва-ли кто не согласится, что истинный... Такъ въ чемъ же дѣло? Откуда негодованіе г. Зѣньковскаго, что я возглашаю истину — и очень не новую вдобавокъ? Какимъ образомъ моя «дальняя» истина можетъ приглушить его «ближнее» дѣло, а тѣмъ паче отвлечь отъ него сочувственниковъ и судѣтелей, на что именно г. Зѣньковскій и жалуется? Развѣ задачи аболиціонизма противорѣчатъ идеѣ женскаго равенства? Конечно, нѣтъ. По какому же тогда случаю шумъ и попреки, будто я сыгралъ въ руку какимъ-то врагамъ аболиціонизма? Напротивъ: я говорилъ о

дѣятеляхъ движенія въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, которыя только г. Зѣньковскому почему-то угодно принимать за скрытыя насмѣшки. Между нами вышло въ данномъ случаѣ нѣчто въ родѣ комическаго *qui pro quo* на провинціальномъ балу. Кавалеръ говоритъ хорошенькой дамѣ:

– Ольга Ивановна, вы сегодня свѣжи, какъ роза.

А Ольга Ивановна, глядь, вдругъ ни съ того, ни съ сего обидѣлась, надулась и огрызается:

– Оставьте, пожалуйста, ваши насмѣшки. Вы думаете, я не понимаю, что вы мнѣ это въ шпильку? Довольно даже вамъ должно быть стыдно.

– Помилуйте! Ей-Богу, отъ чистаго сердца!..

– Да ужъ, пожалуйста! Знаемъ мы васъ, знаемъ...

– Ей-Богу же, мои комплименты шли отъ чистаго сердца, – о, подозрительная и сердитая аболиціонистская роза!

Итакъ, мой идеаль признается истиннымъ, но, по мнѣнію г. Зѣньковскаго, призывать къ нему нельзя, потому что его

провозглашеніе, какимъ-то непостижимымъ образомъ, мѣшаетъ аболиціонистамъ «дѣлать, что можно». Очень это курьезно, что идеаль препятствуетъ практической дѣятельности во имя идеала; но, куда ни шло, допустимъ такое невѣроятіе. Однако... кто же, въ такомъ случаѣ, оказывается дурного мнѣнія объ аболиціонизмѣ? Кто умаляетъ (чтобы не сказать: уничтожаетъ) его общественное значеніе? Кто вынимаетъ изъ-подъ ногъ его идейную опору и, чрезъ то, сводитъ роль его къ красивому самообману и игрѣ въ хорошія чувства? Я или г. Зѣньковскій? Похоже, что не я...

Бываютъ средства радикальныя. Аболиціонистское движеніе – палліативъ, которымъ общество пытается подлѣчить свою проституціонную язву. И отлично. Пусть подлѣчиваетъ, сколько можетъ: все, что оно сдѣлаетъ, пойдетъ, конечно; на плюсь, а не на минусъ. Никто и не сомнѣвается, что «аболиціонизмъ сражается не съ вѣтряными мельницами, когда собираетъ конгрессы, учреждаетъ общества, издаетъ брошюры и книги, создаетъ теченіе». Прекрасно, прекрас-

но. Покуда нѣтъ радикальнаго средства, пусть общество лѣчится отъ проституціи палліативами конгрессовъ, брошюръ, книгъ и «теченія». Чѣмъ больше палліативовъ будетъ найдено и примѣнено къ дѣлу, тѣмъ лучше для человѣчества. Но странно успокаиваться совѣстью на лѣченіи дифтерита бензойнымъ натромъ, зная, что существуетъ противодифтеритная сыворотка, или лѣчитъ укушевнаго бѣшеною собакою прижиганіями вмѣсто Пастеровыхъ прививокъ. И рѣшительно не могу уяснить себѣ, почему такъ гнѣвается на меня Г. Зѣньковскій, когда я, отдавая должное бензойному натру и прижиганіямъ, позволяю себѣ мечтать о противодифтеритной сывороткѣ и Пастеровыхъ прививкахъ.

Общество больно дроституціей. Аболиціонизмъ – наша первая домашняя помощь при наиболее острыхъ и явныхъ припадкахъ болѣзни. Этой роли у него никто не отнимаетъ, да, кажется, никто и не думалъ и не думаетъ отнимать. Г. Зѣньковскій намекаетъ, что противъ аболиціонистовъ дѣйствуютъ какія-то реакціонныя силы, равно какъ реакціонная печать. Находясь далеко

отъ центровъ, я не знаю, какъ относилась реакціонная печать къ движенію аболиціонизма въ послѣднее время, но не помню, чтобы ранѣе она враждовала съ нимъ остро и рѣзко. Напротивъ: въ то время, какъ положительно прогрессивные шаги русскаго вѣка, въ родѣ пересмотра законодательства о вѣнбракныхъ дѣтяхъ, либо публицистической агитаціи за свободу развода, были встрѣчаемы реакціонною печатью криками яраго гнѣва, или злобнымъ шипѣніемъ, аболиціонистамъ неоднократно расточались ею даже кисло-сладкіе комплименты, а многія, уже совсѣмъ не либеральныя, силы охотно принимали участіе въ молодыхъ начинаніяхъ аболиціонизма и даже брали ихъ подъ свое руководство и покровительство. И это симптомъ не изъ лестныхъ, — особенно, при той лютой враждѣ, которую проявляетъ реакціонная печать къ женскому образованію, къ женскому труду, къ расширенію женской гражданской и семейной правоспособности, т. е. ко всѣмъ положительнымъ и общимъ орудіямъ женскаго прогресса и освобожденія. Симptomъ этотъ дока-

зываетъ, что реакціонныя силы не видятъ въ
аболиціонизмѣ, съ его специально запрети-
тельною и узко ограниченою
дѣятельностью, серьезнаго врага и даже охот-
но поддерживаютъ легкое возбужденіе имъ,
какъ бы давая тѣмъ нѣкоторую идейную взят-
ку общественной энергіи, ищущей себѣ исхо-
да. Г. Зѣньковскій произвелъ меня въ тайные
реакціонеры за то, что, проповѣдая общую
и коренную реформу женскаго вопроса, я
мѣшаю будто бы частичнымъ успѣхамъ
аболиціонизма. Есть другая, гораздо болѣе
частая и успѣшная уловка реакціи. Когда
назрѣваетъ въ обществѣ слишкомъ крупный
и нежелательный реакціи вопросъ, — его
спѣшатъ размѣнять съ рублей на гривенни-
ки, т. е. общественное вниманіе стараются
разсѣять, отвлекая его отъ огромной «даль-
ней» сути вопроса къ второстепеннымъ
«ближнимъ» частностямъ, отъ «невозможны-
хъ» корней къ красивымъ вѣтвямъ со столь
симпатичнымъ для г. Зѣньковскаго девизомъ
«что можно»... Маленькихъ «можностей» от-
крывается цѣлая куча, и изъ-за деревьевъ ста-
новится не видать лѣса. Въ самомъ скоромъ

времени огромная суть вопроса оказывается искусственно загроможденною множеством декоративныхъ частныхъ, изъ которыхъ ни одна не въ состояніи подвинуть вопросъ къ разрѣшенію, а между тѣмъ каждая какъ будто свидѣтельствуешь, что вопросъ не умеръ, что ему дано жить и развиваться. Помилуйте, моль! Какъ же вы жалуетесь, будто прогрессъ бездѣйствуетъ? Неужели вы не слышите, какъ онъ топочеть ногами? А топочеть-то онъ, стоя на одномъ мѣстѣ, и плачевнѣе всего то, что, топоча, доходитъ иногда и самъ до лестнаго самообмана, будто и впрямь идетъ впередъ, «какъ можно». Хотя опять-таки «долгъ платежемъ красенъ», однако я не позволю себѣ обзывать реакціонерами поклонниковъ мнимо-прогрессивнаго топанія на мѣстѣ. Но сознаюсь, что не могу безъ улыбки наблюдать, какъ дешево стоящая идейная взятка можетъ довести російскаго интеллигента до умиленнаго состоянія, въ которомъ онъ безсознательно лобызается съ природными своими врагами и радъ хоть на ножи противъ скептиковъ, не желающихъ дѣлать его вос-
торговъ.

На мѣстѣ г. Зѣньковскаго, я не отчаявался бы такъ въ скорой достижимости коренныхъ реформъ, которыми должна уничтожиться экономическая проституція. «Невозможное» часто оказывается ближе и прекраснѣе самыхъ пылкихъ «возможныхъ» чаяній. Тысячи либеральныхъ людей въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, стоя на почвѣ «возможныхъ» ожиданій, пріискивали палліативы, для упорядоченія отношеній между крѣпостными крестьянами и помѣщиками-душевлдѣльцами. Многіе изъ палліативовъ были полезны, остроумны и красивы, какъ полезенъ и красивъ аболиціонизмъ, вдохновляющій г. Зѣньковскаго. И много горькихъ жалобъ со стороны этихъ искренно либеральныхъ, но черезчуръ ужъ умѣренно-аккуратныхъ искателей палліативовъ вызывали крайне немногочисленные охотники «смотреть въ корень», находившіе единственнымъ разумнымъ и дѣйствительнымъ выходомъ изъ вѣковыхъ историческихъ золь рабовладѣльческаго вопроса «невозможную» реформу освобожденія крестьянъ съ землей. А между тѣмъ, кремлевская рѣчь Царя Осво-

бодителя и манифестъ 19 февраля 1861 года были уже куда какъ не за горами. Какой москвитъ въ концѣ семнадцатаго вѣка предвидѣлъ Петербургъ и полную перестройку стараго государства? Когда вопросы созрѣваютъ и времена ихъ исполняются, они заставляютъ общество давать отвѣты прямые, быстрые, рѣшительные. А развѣ мы не чувствуемъ, что женскій вопросъ назрѣваетъ не по днямъ, а по часамъ? Развѣ устроить для женщины точныя и болѣе выгодныя трудовыя нормы не становится неугомонною, крикливою необходимостью, столь же важною для мужчинъ, какъ и для самихъ женщинъ? Быстрое вздорожаніе культурной жизни во всѣхъ странахъ европейской цивилизаціи неуклонно ведетъ къ банкротству современнаго семейнаго мужевластительства. Однѣхъ мужскихъ силъ дѣлается уже недостаточно, чтобы оправдывать семейный расходъ; подспорье женскаго труда, жена и мать-добычицы сейчасъ уже настойчиво желательны, вскорѣ будутъ необходимы. А разъ трудъ женщины станетъ необходимымъ и для мужчинъ (какъ подспорье, безъ котораго нельзя

жить въ довольствѣ), то придется нормировать его такими условіями, чтобы онъ оккупалъ себя наравнѣ съ мужскимъ: иначе какой расчетъ женщинѣ ему отдаваться? И, какъ скоро нормы женскаго труда сравняются съ нормами мужского, женщинѣ не станетъ нужды себя продавать, и экономической проституціи – конецъ и вѣчная память.

Г. Зѣньковскій увѣряетъ, будто, въ качествѣ мечтателя о коренныхъ реформахъ, я оказываю «своими краснорѣчивыми строками громадную услугу всѣмъ тѣмъ силамъ, для которыхъ движеніе аболиціонистовъ угрожало смертью». Увы, г. Зѣньковскій! Аболиціонизмъ въ тѣхъ формахъ и рамкахъ, какъ вы его понимаете, съ девизомъ «что можно», рѣшительно никакимъ темнымъ силамъ смерти нанести не въ состояніи. При всей своей симпатичности, онъ слишкомъ ограниченъ и въ компетенціи, и въ средствахъ дѣйствія. Спасибо ему и за то уже, если ему удастся иной разъ временно парализовать вредное вліяніе нѣкоторыхъ темныхъ силъ на нѣкоторыя (хотя бы и считаемыя въ тысячахъ, какъ увѣряетъ г. Зѣньковскій)

жертвы, избранныя, счастливымъ случаемъ, чтобы привлечь вниманіе аболиціонистской полиціи. Спасибо аболиціонизму уже и за то, если ему удастся сдѣлать извѣстныя гражданскія и уголовныя непріятности нѣсколькимъ (хотя бы считаемымъ въ десяткахъ и сотняхъ) представителямъ темныхъ силъ, которые окажутся настолько наглы или неловки, что не успѣютъ скрыть своихъ грязныхъ и жестокихъ дѣлъ отъ бдительности аболиціонистской полиціи. Рогатый силлогизмъ о томъ, сколько надо снять волосъ съ головы человѣка, чтобы его было можно считать плѣшивымъ, становится еще рогатѣе, когда приходится приложить его мѣрку къ буйно-косматой и тучно обрастающей головѣ спроса на развратъ. Внѣшніе, рознично-количественные успѣхи въ борьбѣ со зломъ, если и бывали иногда рѣшеніемъ вопроса, то столь медленнымъ, что и хронологическое терпѣніе г. Зѣньковскаго, пожалуй, устанетъ ожидать. Обиліе волковъ было очень острымъ зломъ въ средневѣковой Европѣ. Англичанамъ удалось истребить волковъ на своемъ островѣ, волчьяго вопроса въ Англіи не суще-

ствуеть болѣе. Но, чтобы погибъ послѣдній британскій волкъ, Англіи надо было ждать отъ Альфреда Великаго до королевы Викторіи...

Выше я употребилъ выраженіе «аболиціонистская полиція», потому что аболиціонистское движеніе, какъ полезная попытка массовой самообороны отъ злоупотребленій полового торга, есть, конечно, прежде всего, приглашеніе обществу превратиться въ полицію нравовъ для самого себя. Это – нѣчто въ родѣ общественнаго самоуправленія въ примѣненіи къ одной изъ вреднѣйшихъ и прочнѣйшихъ сторонъ соціальнаго строя. Цѣль прекрасная, истинно «ближне» практическая и чреватая многими благими послѣдствіями частнаго, розничнаго характера. Я вполне понимаю, почему множество добрыхъ и честныхъ людей бросились къ ней съ пылкимъ энтузіазмомъ: хорошо это съ ихъ стороны, что бросились, и дай Богъ, чтобы они нашли себѣ многихъ подражателей и прододжателей. Трудъ ихъ полезенъ и достоинъ благодарности. Но было бы жестокою, до маніи величія ошибкою вообразать

себя, при работѣ въ условіяхъ
аболиціонистской программы, а тѣмъ болѣе
съ подчиненіемъ девизу «что можно», ради-
кальными цѣлителями проституціоннаго
недуга. Прекрасно удержатъ дѣвушку отъ
проституціи; прекрасно возродитъ падшую
женщину къ честной жизни, прекрасно ис-
требитъ торговца живымъ товаромъ; пре-
красно отмѣнитъ регистрацію проститутко-
къ съ ея живодерными нравами и
послѣдствіями; прекрасно переработать къ
лучшему общую регламентацію злополучна-
го института; прекрасны сотни проектовъ, —
какъ я писалъ уже, часто получающихъ
осуществленіе, — вызванныхъ
аболиціонистскимъ движеніемъ. Но всѣ эти
мѣры — самодовлѣющія, живущія въ самихъ
себя. Онѣ создаютъ нравственныя удобства
настоящаго, а не свободу будущаго. Онѣ не
прекращаютъ проституціи, но упорядочива-
ютъ ея внѣшнія проявленія такъ, чтобы гнус-
нымъ зрѣлищемъ и запахомъ своимъ она не
оскорбляла щекотливой морали и не раздра-
жала впечатлительныхъ нервовъ буржуазна-
го общества, потребностями котораго и для

потребностей котораго она живетъ. Это – санитарно-полицейское оздоровленіе института примѣнительно къ наудобнѣйшему, наиприличнѣйшему и наигуманнѣйшему онымъ пользованію, а отнюдь не уничтоженіе женскаго бѣлаго рабства. И вся эта общественная работа – для себя, на насъ самихъ, каковы мы сейчасъ, на общественный строй съ подавляющимъ преобладаніемъ мужского права, интереса и первенства. Для женщины же мы не дѣлаемъ въ ней почти что ничего, такъ какъ причинъ, толкающихъ ее въ самопродажу, не уничтожаемъ, а иногда, какъ оказывается, даже и негодуемъ на дерзающихъ мечтать объ уничтоженіи причинъ, потому что такое-де – «невозможная умеренная реформа». А покуда существуетъ причина, будетъ неукоснительно проявляться и слѣдствіе.

Если въ странѣ голодъ, никакія мѣры надзора и пресѣченія не могутъ воспрепятствовать развитію въ ней добывающихъ пороковъ и преступленій. Удержать быстро падающую нравственность края можно тогда только энергичною хлѣбною, денежною, трудовою

помощью, т. е. накормивъ народъ. Въ той странѣ, которая имѣетъ больше безработнаго и голодающаго люда, больше и голодныхъ пороковъ. Сословія, экономически обездоленные и приниженные, осуждены давать процентъ добывающей преступности большій, чѣмъ сословія, матеріально обеспеченныя.

«Женское сословіе» – называютъ женщинъ шуточною кличкою русскіе мужики, купцы, мѣщане. Въ этой народной остротѣ много невольно сказавшейся правды... Женщины въ современномъ обществѣ дѣйствительно уже не только второй полъ разныхъ сословій, но именно самостоятельное назрѣвающее экономически, отдѣльно, новое сословіе. Это «пятое сословіе» слишкомъ обдѣлено благоденствіемъ всюду, а ужъ у насъ на Руси въ особенности. Оно бываетъ сыто лишь любовною милостью или семейною обязанностью мужскихъ сословій. Само по себѣ безправное, оно предано нуждѣ и, слѣдовательно, обречено выдѣлять проституціонный контингентъ, въ формѣ ли скитаній Сони Мармеладовой по Невскому проспекту, въ формѣ ли законнаго супруже-

ства Марьи Андреевны съ Максимомъ Беневоленскимъ. Г. Зѣньковскій распространяется о противодѣйствіи проституціонному наплыву теченіями религіозной, нравственной и умственной жизни. Все это очень хорошія воздѣйствія до тѣхъ поръ, покуда аболиціонизмъ работаетъ въ розницу, по частнымъ случаямъ, но совершенно невліятельныя, какъ скоро аболиціонистская партизанская война изъ частной борьбы за такихъ-то и такихъ-то проституткокъ превращается въ общую борьбу противъ проституціи. Г. Зѣньковскій считаетъ меня ярымъ фанатикомъ экономической вѣры, нежелающимъ, глядя изъ-за ея катехизиса, какъ изъ-за каменной стѣны, признавать серьезные психологическія и соціальныя надстройки нашего быта и важность ихъ для проституціоннаго вопроса. И это г. Зѣньковскій отъ себя на меня взводитъ. Въ силу боковыхъ теченій сказаннаго порядка и во вліяніе «надстроекъ» я вѣрю настолько, что въ моей же статьѣ г. Зѣньковскій можетъ найти мнѣніе, что если бы честный трудъ давалъ женщинѣ хоть одну треть того заработ-

ка, который даетъ проституція, то дѣло послѣдней было бы уже надломлено. «Надстройки», о которыхъ говоритъ г. Зѣньковскій, достаточно сильны, чтобы удержать на честномъ пути женщину, зарабатывающую рубль, отъ перехода яа путь позорный, хотя бы онъ сулилъ заработокъ въ три рубля. Но когда путь позорный сулитъ, какъ ему свойственно, три рубля, а путь честный едва вознаграждается черствымъ хлѣбомъ, тутъ вліяніе «надстроекъ» совершенно парализуется несоотвѣтствіемъ общественной морали съ дѣйствительностью, и, на мой взглядъ, даже прибѣгать-то къ нему не всегда великодушно, потому что – сперва накормите, а потомъ уже и проповѣдуйте, учительствуйте. Заповѣдь заботиться не объ единомъ хлѣбѣ огромно велика, но заповѣди сидѣть безъ хлѣба никогда не было дано.

Русскій мужикъ Бондаревъ, сочинившій замѣчательную книгу о земледѣльческомъ трудѣ, изданную только во французскомъ переводѣ («Le Travail»), предлагаетъ своему читателю:

– Если ты собираешься критиковать мою

книгу, объщай мнѣ, что сперва не будешь ъсть три дня.

Этотъ своеобразный пріемъ подготовки къ критикѣ вопроса о хлѣбѣ насущномъ, пожалуй, годится и для писателей о женскомъ воаросѣ, старающихся умалить въ проституціонномъ недугѣ значеніе экономического фактора и уповающихъ побороть проституцію «чѣмъ можно», порицая мечтателей о невозможныхъ коренныхъ реформахъ.

Вотъ и все, — хотя довольно длинное все, — что я долженъ былъ изъяснить по существу замѣчаній г. Зѣньковскаго. Pro domo sua говорить не буду. Совершенно излишнія въ идейной полемикѣ, патетическія грубости г. Зѣньковскаго меня не трогаютъ. Упрекъ въ сочувствіи реакціонерамъ, какъ попавшій ужъ черезчуръ не по адресу, доставилъ мнѣ нѣсколько веселыхъ минутъ. Да! между прочимъ, г. Зѣньковскій называетъ мой фельетонъ «очень умнымъ, но глубоко его возмущившимъ». Вотъ ужъ этого противопоставленія я никакъ не могу себѣ уяснить. Если фельетонъ «очень уменъ», то

чьмъ же въ немъ глубоко возмущаться? Если онъ глубоко возмутителенъ, то какъ же онъ можетъ быть «очень умнымъ»? Что-нибудь одно. А то странно какъ-то: истинный идеаль мой г. Зѣньковскій воспрещаетъ провозглашать; а «очень умныя» слова мои его возмущаютъ... Что за «Великій Инквизиторъ» такой, желающій осчастливить человѣчество, закрывая ему глаза на правду и доводы разсудка?

Еще отмѣчу негодующія восклицанія почтеннаго оппонента: неужели г. Иксъ не понимаетъ, кому въ руку онъ играетъ? Неужели г. Иксъ не понимаетъ, съ кѣмъ въ одинъ голосъ онъ поетъ?

Я никому не играю въ руку, потому, что не привыкъ играть вопросами общественной важности вовсе – ни одинъ, ни съ партнерами. Я ни съ кѣмъ не пою въ одинъ голосъ, потому что я – не хористъ и пою свою партію solo, самъ отъ себя. А кто, слыша меня, хочетъ и будетъ мнѣ подпѣвать, это меня не касается и мнѣ рѣшительно безразлично, если только припѣвъ не испортитъ моей пѣсни. Во всякомъ случаѣ, это будутъ люди, которые не боятъ

ся истины и ея слова. Важна же только истина, а не люди и ихъ клички. Сила въ своемъ, свободно и логически выработанномъ мнѣніи, а не въ хоровыхъ символахъ.

Слышалъ я стараго сойотскаго шамана. Долго онъ пѣлъ и причиталъ, тряся своимъ разрисованнымъ бубномъ. И, когда я попросилъ знакомаго инородца перевести мнѣ смыслъ пѣсни, — вотъ что, оказалось, пѣлъ шаманъ:

— Я стою одинъ на высокомъ холмѣ и пою въ снѣжную степь свою громкую пѣсню. Меня слышитъ пустыня, я не слышу никого. Слова мои замерзаютъ въ воздухѣ, потому что стоитъ жестокая зима. Когда настубитъ лѣто, они растаютъ, разольются съ холма шумными ручьями, и пустыня отвѣтитъ имъ...

Хорошо думалъ и пѣлъ старый сойотскій шаманъ. Съ удовольствіемъ принимаю пѣсню его своимъ девизомъ...

1903 г.

(Г. А – ту въ «Нов. Времени»)

* Владимиръ Карловичъ Петерсенъ. Скончался въ 1904 году.

М. Г.!

Прочиталь я вашъ фельетонъ «Понемногу о многомъ», а въ немъ отдѣлы «Бѣлыя невольницы» и «Правда ли это?» со слѣдующими строками по моему адресу:

«Нашелся какой-то очень краснорѣчивый Иксъ (побоялся выступить безъ забрала, несчастный!), который дерзнулъ сказать, что бѣлыя невольницы попадаютъ въ веволу не по роковому предназначенію, а потому, что это выгодно женщинѣ въ экономическомъ отношеніи. Конечно, такая дерзость безнаказанной пройти не могла, и явились горячіе протестанты, предавшіе Икса растерзанію по всѣмъ правиламъ благонамѣренныхъ прописей и чувствительной филантроаіи.

«Увы! Иксъ струсилъ и пошелъ на компромиссы и сталъ каяться и божиться, что онъ и не думаль нападать и оскорблять бѣлыхъ

невольницъ, но что онъ хотѣлъ тодько подчеркнуть, какъ можно рѣзче, что всѣ пріюты, создаваемые для реабилитаціи и спасенія кающихся Магдалинъ, суть палліативы и что, пока женщинъ не сравняютъ вполнѣ въ правахъ съ мужчинами на экономическомъ ристалищѣ труда и заработка, до тѣхъ поръ проституція неизбежна, такъ какъ, несомнѣнно, женщинѣ она выгодна, какъ профессія.

«Ахъ, какъ я огорчился такому выпадъ несомнѣнно умнаго, но, вѣроятно, еще несомнѣннѣе, трусливаго человѣка! И ты, благородный Брутъ, за уравненіе правъ? И вы за нѣчто невыполнимое и немислимое? — думалъ я, стараясь въ то же время выяснить себѣ экономическое неравенство трудящихся мужчинъ и женщинъ. Вѣдь сколько объ этомъ неравенствѣ сказано жалкихъ словъ — и перечислить немислимо»!..

Чувствительнѣйше благодаря за комплименты моему уму, я долженъ, однако, замѣтить, что статьи мои о борьбѣ съ проституціей вы прочитали, вѣроятно, изъ пятаго въ десятое, потому что приписываете

мнѣ мысли, которыхъ я не имѣлъ, и поступки, которыхъ не совершалъ. А именно:

1. По вашему мнѣнію, я «дерзнулъ сказать, что бѣлыя невольницы попадаютъ въ неволю не по роковому предназначенію, а потому, что это выгодно».

Не знаю, что вы хотите выразить словами «роковое предназначеніе», въ качествѣ противоположенія «выгодѣ». Моя мысль была такова: въ деспотически мужскомъ строѣ современнаго общества женщина – безправная и дурно оплаченная работница, въ которой наивысшую цѣну имѣетъ ея полъ; поэтому, покуда строй мужского преобладанія будетъ управлять обществомъ, женщинѣ выгодно промышленяты своимъ поломъ, чѣмъ инымъ трудомъ: поэтому, въ современной цивилизаціи торговля поломъ есть именно роковое предназначеніе жезщины, отъ котораго честному, самостоятельному труду удастся отбивать для себя только натурны выдающіяся – героини и мученицы; масса обречена кормиться своимъ поломъ, въ формѣ ли брака, въ формѣ ли проституціи, за милость мужчины... Торговля собою – един-

ственный настояще выгодный промыселъ, оставленный женщинамъ мужскою опекою. Какого же вамъ еще рокового предназначенія угодно?

2. «Иксъ струсилъ и пошелъ на компромиссы и сталъ каяться и божиться, что онъ и не думалъ нападать и оскорблять бѣлыхъ невольницъ» и т. д. Я не могъ ни въ чемъ подобномъ каяться — тѣмъ паче съ божбою, — прежде всего потому уже, что изъ оппонентовъ моихъ, мнѣ извѣстныхъ, никто меня въ этомъ не обвинялъ, да, полагаю, и не могъ обвинить, потому что тезисы мои быть можетъ, неприятны для мужского самолюбія и лицемѣрія, а ужъ никакъ не для женщинъ, которыхъ эти милыя силы нашей культуры держать въ физическомъ и нравственномъ рабствѣ, вяжутъ по рукамъ и по ногамъ. Я же зову женщину къ свободѣ, къ равноправію съ мужчиною. Равенство половъ во всѣхъ правахъ и отношеніяхъ общественныхъ опредѣлитъ новую культурную эру, о которой взываетъ наша дряхлѣющая цивилизація. А зарею такого равенства является для меня все болѣе и болѣе нарастающая потребность въ

экономическомъ уравненіи женщинъ и мужчинъ.

3. Да, я – за уравненіе правъ, что отнюдь не значитъ – «за нѣчто невыполнимое и немыслимое». О невыполнимости и немыслимости я уже достаточно сказалъ, отвѣчая г. Зѣньковскому на его теорію «возможности». Есть слово:

– Необходимость.

И... гдѣ оно раздается, тамъ нечего говорить о возможномъ и невозможномъ, о выполненномъ и невыполненномъ, о мыслимомъ и немыслимомъ. Необходимо, – и должно быть. Вопросъ о равенствѣ общественныхъ правъ мужчины и женщины уже близокъ къ этой принудительной грани.

4. Въ качествѣ «человѣка, несомнѣнно, умнаго, но, еще несомнѣннѣе, трусливаго» я спрошу г. А – та, какъ человѣка, несомнѣнно, храбраго:

– Потребность въ женскомъ добычливомъ трудѣ нарастаетъ для общества съ каждымъ днемъ. Семья уже не въ силахъ кормиться заработкомъ одвога мужчины. Вы признаете, что наивыгоднѣйшій способъ заработать

деньги для женщины – проституція. Предположимъ, что такъ. Какую же будущность готовятъ обществу эти положенія?

Полагаю что, когда потребность въ женскомъ трудѣ насущно необходима, а способъ къ удовлетворенію потребности нѣтъ, могутъ быть предложены только два исхода:

Или широкое изысканіе новыхъ формъ и областей женскаго труда, которое завершится полнымъ равенствомъ его съ мужскимъ.

Или признаніе существующихъ способовъ правомѣрными и согласными съ нравственностью общества

То есть, попросту говоря, либо надо дать женщинѣ выгодный выходъ изъ области полового труда во всѣ остальные трудовыя сферы, либо признать половой трудъ, т. е. проституцію, законнымъ, честнымъ, нравственнымъ, равнымъ всякому другому.

Первый выборъ – мой. Второй неминуемо вытекаетъ изъ разсужденій г. А – та о неисполняемости и невысказанности коренной реформы женскаго вопроса. Полюсы женскаго будущаго: или равноправіе съ мужчиною, или общественное торжество проституціи.

И... какъ бы ни поддразнивалъ меня г. А – ть трусостью, я сознаюсь откровенно, что не имѣю достаточно храбрости, чтобы утѣшаться второю перспективою, какъ соціальнымъ идеаломъ. Belle, oneste e stimatissime cortigiane di Venezia («прекрасныя, благородныя и высокопочтенныя венеціанскія проститутки») очень хороши на картинахъ Бордоне, Тиціана, Веронезе, но сомнѣваюсь, чтобы и г. А – ть желалъ видѣть этотъ почетный классъ воскреснувшимъ къ жизни.

Г. А – ть, сомнѣваясь въ малоцѣнности женскаго труда, приводитъ въ примѣръ высокіе заработки пѣвицъ, актрисъ, талантливыхъ художницъ, модистокъ и мамокъ.

На это я отвѣчу:

а) Доказывать, что женщинамъ хорошо и заработно живется, именами Самокишъ-Судковской, Бемъ, М. Фигнеръ, Дузе, Сарры Бернаръ, Савиной, столько же логично, какъ – если бы я сталъ, напр., дѣлать выводы о зажиточности русскаго мужика по состояніямъ Кокорева, Губонина, а о степени его развитія по генію Ломоносова, по талантамъ Кольцова, Никитина, Сурикова. Геній не имѣетъ пола,

большой талант также. Женщины, названные г. А – томъ – «выдающіяся»: онѣ возвысились, въ дарованіяхъ своихъ, одинаково надъ мужскою и женскою массою. Удача исключительной личности не можетъ быть мѣриломъ благополучія общественной единицы. Впрочемъ, за развитіемъ этой части моего возраженія я попрошу г. А – та обратиться къ «Послѣсловію» моего публицистическаго романа «Викторія Павловна: тамъ оно изложено подробно.

б) Въ этомъ же романѣ г. А – ть найдетъ главу о доходности женскаго сценическаго труда, о соотношеніи въ немъ заработной платы съ расходами производства и т. д. Здѣсь же я отмѣчу только, что женскій сценическій трудъ – очень недавнее завоеваніе женской эмансипаціи: ему всего 150–200 лѣтъ... При томъ лишь весьма немного лѣтъ тому назадъ, – у насъ, въ Россіи, пожалуй, нѣтъ еще и полувѣка, – трудъ актрисы и пѣвицы очистился отъ обязательной проституціонной примѣси. Этому герофскому завоеванію женской эмансипаціи гг. мужчины покорились не съ большою радостью,

чѣмъ, напр., крѣпостники – освобожденію крестьянъ. И процессъ этого завоеванія до сихъ поръ нельзя считать совершенно законченнымъ, что доказывается закулиснымъ обиліемъ негласной и привилегированной проституціи добровольной. Въ обществѣ, обладающемъ столь поучительною пьесою, какъ «Таланты и поклонники», актриса – честная труженица только для лучшихъ мужчинъ его, для Мелузовыхъ; для массы она – добыча, приманка, соблазнительная кандидатка въ половой развратъ.

в) Оставляя въ сторонѣ сценической трудъ исключительно талантливыхъ, успѣвшихъ стать внѣ пола величинъ, рассматривая условія его для средней работницы, надо опять-таки съ грустью отмѣтить, что доходность сцены для женщины растетъ постольку, поскольку ампула ея соприкасается съ половыми особенностями. Г. А – ть взялъ въ примѣръ огромнаго заработка г-жу Бяльцеву: какъ пѣвица, эта сценическая дѣятельница – совершенное ничтожество, но она, какъ никто, умѣетъ дѣйствовать голосомъ и интонаціями своими на чувственность пуб-

лики; это – талантъ половой, и успѣхъ его половой. Здѣсь огромныя суммы платятся не за вдохновеніе, трудъ и искусство, а за упраздненіе, такъ сказать, вокальнаго стыда. То же самое Отеро, Кавальери e tutte quante. Насколько публика предпочитаетъ половыя сценическія впечатлѣнія чистому искусству, насколько въ актрисѣ женщина милѣе ей, чѣмъ талантъ, разительное и трагическое доказательство явилъ Петербургъ осенью 1902 г., въ отвратительной исторіи самоубійства антрепренера Морева изъ-за нарушившей контрактъ Кавальери. Труппа, собранная изъ лучшихъ артистовъ Европы, не могла утѣшить публику въ потерѣ наслажденія видѣть очень красивую женщину съ ореоломъ скандала вокругъ головы, съ тѣнью кафешантана за спиною. Толпа «плевать хотѣла» на Маркони, Баттистини, Баронатъ и требовала деньги назадъ[4]. Антрепренеръ прогорѣлъ и застрѣлился... А исторія русской драмы, которую 25 лѣтъ держала въ черномъ тѣлѣ оперетка, покуда полового владычества послѣдней не сломилъ уже совсѣмъ откровенно половой кафешантанъ? Сейчасъ

Мельпомена какъ будто возрождается. Но въ преуспѣяніи ея тоже приходится поставить не малую долю на счетъ тому новшеству, что строгая богиня очень смягчила свой былой пуризмъ, и о платонической любви декламируетъ нынѣ «Принцесса Греза» съ разрѣзомъ платья, какъ у «Прекрасной Елены»; учить супружеской вѣрности приходитъ «Монна Ванна», въ чемъ мать родила; цѣломудріе проповѣдуютъ «Рабыни веселья», а семейное начало читаетъ публикѣ проститутка «Заза».

г) Трудъ мамки есть чисто половая функція, взятая въ наймы. О немъ не къ чему и упоминать въ числѣ доходностей женскаго самостоятельнаго труда. Менѣе противный, а потому и болѣе благосклонно принимаемый обществомъ трудъ мамки, по существу своему, — такая же соціальная болѣзнь, какъ и проституція, и, подобно ей, также представляетъ собою «торговлю поломъ».

д) Трудъ модистки имѣетъ хорошую цѣну только тогда, когда ставитъ конечною цѣлью половое украшеніе женщины. Маши, шьюція женскую одежду, зарабатываютъ 30–50 копекъ въ день. Бѣшенныя деньги платятся работ-

ницамъ не одеждъ, но туалетовъ, доводящихъ мужскіе умы до восторга. Такимъ образомъ цѣнность труда модистки исходитъ изъ полового же источника, и опять-таки растетъ постольку, поскольку модистка содѣйствуетъ половому успѣху:

*Не одѣнешься лучше камелій
И богаче французскихъ актрисъ.*

е) Г. А – ть обмолвился дивною характеристикю женскаго труда въ фразѣ: «кухарки, въ самомъ дѣлѣ за повара, оплачиваются выше плохихъ поваровъ». Совершенно вѣрно. Нельзя быть болѣе мѣткимъ и правдивымъ! Но г. А – ть врядъ-ли когда-нибудь видалъ, чтобы кухарка въ самомъ дѣлѣ за повара оплачивалась, какъ въ самомъ дѣлѣ поваръ. То же самое, – прошу дамъ не обижаться на сравненіе, – надо сказать о беллетристкахъ, художницахъ, переводчицахъ; очень хорошія изъ нихъ удостаиваются цѣниться наравнѣ съ очень плохими беллетристами, художниками, переводчиками или даже немного выше. Прекрасная работница стоитъ въ одной цѣнѣ съ никуда негоднымъ работникомъ: это

справедливо! По мнѣнію г. А – та, это – благополучная постановка женскаго вопроса?!

Одна фраза въ статьѣ г. А – та очень непріятно меня удивила и даже покорибила. Это – упрекъ за подпись псевдонимомъ: «побоялся выступить безъ забрала, несчастный!» Знаете ли, счастливый безъ забрала, – старому литератору, къ тому же также пишущему подъ псевдонимомъ, испускать такія восклицанія какъ будто и неловко бы.

Проработавъ въ журналистикѣ чуть не четверть вѣка, пора бы знать, что авторъ часто «опускаетъ забрало» не потому, что «боится». Иногда забрало столько же пріятно опускать, какъ надѣвать желѣзную маску...

1903.

IV

Въ «Новомъ Времени» (Но отъ 30 апрѣля 1903 г.) я нашель фельетонъ г. А – та, отвѣчающій на мое возраженіе.

Г. А – ть подвергаетъ критикъ мое положеніе, что необходимое возможно. «Чтобы спасти женщинъ отъ бѣлаго невольничества, необходимо сравнять ихъ экономически съ мужчинами, а, если необходимо, то это и возможно». Разбивая мою «счастливую идиллію» по механическимъ законамъ спроса и предложенія, г. А – ть оставляетъ женщинъ только двѣ дѣятельности, въ коихъ она необходима и незамѣнима: рожать дѣтей и кормить ихъ грудью. То-есть – признаетъ женщину существомъ исключительно и фатально половымъ, что я и выяснялъ о г. А – ть въ возраженіи своемъ, изобличая присутствіе полового элемента во всѣхъ женскихъ профессіяхъ, выставленныхъ г. А – томъ въ примѣръ успѣшныхъ и хорошо оплаченныхъ.

Затѣмъ: «необходимо сравнять женщинъ экономически съ мужчинами». При такой формѣ императива, г. А – ть, стоящій на муж-

ской точкѣ зрѣнія, пожалуй, остался бы правъ, сомнѣваясь въ необходимости, мною утверждаемой. Потому что необходимо не сравнивать женщинъ, но необходимо равенство женщинъ съ мужчинами, которое будетъ достигнуто, конечно, не столько потребностью мужчинъ сравнивать съ собою женщинъ, сколько стремленіемъ женщинъ сравниваться съ мужчинами. Я говорю не о равенствѣ, которое дадутъ мужчины, а о равенствѣ, которое возьмутъ женщины. Полагаю, что отѣнокъ ясенъ, и онъ совершенно мѣняетъ дѣло.

Слово «необходимость» подразумѣваетъ вопросъ: для кого? Отрицая необходимость женскаго равенства въ современномъ обществѣ, г. А – ть, – повторяю, – по-своему, по сурово, узкомужскому, правъ, потому что современный строй общества – мужевладычный, и, въ соображеніи спеціально мужскихъ интересовъ, экономическое равенство женщины – не выигрышъ, что г. А – ть, со свойственною ему прямою, и отмѣчаетъ. Сейчас повелительная необходимость равенства громко говоритъ о себѣ лишь очень немноги-

мъ изъ мужчинъ, охочимъ пытливо заглядывать въ будущее. Но равенство уже необходимо женщинамъ, и женщины развиваютъ движеніе къ нему. А развитіе движенія, толкуя смыслъ и укрѣпляя практику равенства, сдѣлаетъ его мало-по-малу сперва выгоднымъ, а потомъ необходимымъ уже и для мужчинъ. Женскій воггросъ переживаетъ въ этомъ направленіи ту же эволюцію, что пережилъ и переживаетъ еще вопросъ рабочій, который, за XIX вѣкъ, перестроилъ соціальную систему Европы. Давно ли рабочій вопросъ почитался злѣйшимъ врагомъ и разрушителемъ государственности? А теперь государства ищутъ заключить съ нимъ союзъ, стараются нормировать ходъ его подъ своимъ знаменемъ, предлагаютъ ему опору и просятъ у него опоры для себя. Родился «государственный социализмъ», доктрина коего, иногда не безъ успѣха, пытается сочетать, казалось бы, несочетаемое. А совершилось это потому, что необходимости рабочей силы расширились въ необходимости обществъ, построенныхъ на взаимоотношеніяхъ хозяевъ съ рабочими, и, проникая въ законъ и обычай, медленно,

но послѣдовательно и упорно преобразили культурный укладъ. И творятся подобныя реформы-самоцвѣты, именно, «дѣйствиємъ одного только чисто механическаго закона спроса и предложенія», который признаетъ г. А – ть, безъ примѣси нравственныхъ соображеній, которыя онъ, по девизу «les affaires sont les affaires», изъ разсужденій о женскомъ трудѣ удаляетъ.

Что касается необходимости для женщинъ въ мужскомъ трудѣ и въ мужскихъ размѣрахъ заработной платы, я, хотя и не люблю отступать отъ общихъ доказательствъ логическаго построенія къ частнымъ примѣрамъ, позволяю себѣ на этотъ разъ, краткости ради, указать г. А – ту на одио весьма достопримѣчательное, хотя и мало замѣченное, явленіе современной русской жизни. Въ теченіе одного 1902 года газетная хроника огласила нѣсколько судебныхъ дѣлъ о трудящихся женщинахъ, жившихъ по мужскимъ паспортамъ либо, вообще, выдававшихъ себя за мужчииъ съ цѣлью получать мужской заработокъ, пока случай не разрушалъ ихъ невиннаго обмана и не возвращалъ

ихъ на бабѣ положеніе. Одинъ изъ этихъ курьезныхъ процессовъ возникъ потому, что баба-рабочій осмѣляла въ самозванствѣ до рѣшимости «жениться». А жениться надо было затѣмъ, чтобы избавить товарку-односелку отъ мужскихъ приставаній. Подъ Кіевомъ желѣзнодорожный сторожъ оказался – давно уже пропавшею безъ вѣсти, напрасно разыскиваемой... гимназисткою!

Г. А – ть энергически возстаетъ противъ мужчинъ, живущихъ за счетъ женскаго труда, тѣмъ паче полового: сутенеровъ, альфонсовъ и т. д. Нечего и говорить, какъ справедливо его негодованіе. Но врядъ ли законны его обобщенія, изъ негодованія истекающія:

– Какъ позоренъ тотъ мужъ, у котораго жеиѣ приходится искать отхожихъ промысловъ, конечно, при наличности дѣтской семьи! Какъ позорно то общество, гдѣ женщина обречена на трудъ поденщицы!

Первое восклицаніе попадаетъ совершенно незаслуженнымъ плевкомъ, прежде всего, въ огромную часть русскаго крестьянства и мѣщанства, въ которыхъ сотни тысячъ женщинъ ссуждены на поиски отхожихъ про-

мысловъ вовсе не по лодырничеству мужей, а потому, что только совмѣстный заработокъ мужа и жены окупаетъ, съ грѣхомъ пополамъ, цѣну жизни и позволяетъ вырастить новое поколѣніе, хотя бы и на хлѣбной соскѣ. Поднимаясь въ область трудящейся интеллигенціи, предлагаю г. А – ту вспомнить очеркъ Салтыкова о супругахъ Чемезовыхъ, лучшее изображеніе столичной четы мучениковъ бѣлаго труда, какое мнѣ извѣстно въ русской литературѣ. Не думаю, чтобы у кого-либо поднялась рука бросить камень въ Чемезова, какъ въ «позорнаго мужа», хотя супруга этого бѣдняги – въ тяжкомъ отхожемъ промыслѣ съ утра до вечера. А Чемезовы – не единичный случай, но типъ и, при томъ, наиболѣе распространенный.

Второе восклицаніе я измѣнилъ бы такимъ образомъ: – Какъ позорно то общество, гдѣ женщина обречена на трудъ поденщика за плату поденщицы!

Въ томъ, что женщина трудится хотя бы и поденщицею, нѣхъ ничего позорнаго ни для нея самой, ни для общества, въ которомъ она живетъ. А вотъ, что общество, управляемое

мужскимъ строемъ, норовить воспользоваться женскимъ трудомъ какъ можно болѣе на даровщинку, — это, дѣйствительно, чрезвычайно позорно. И напрасно г. А — ть старается увѣрить читателя, будто «говорить и работать въ этомъ направленіи (къ поднятію женской заработной платы), право, не стоитъ». Всякій, кто платитъ за трудъ одинаковаго достоинства женщинѣ меньше, чѣмъ мужчинѣ, тѣмъ самымъ отбиваетъ ее отъ труда, закрѣпляетъ ее половой силѣ и является безсознательнымъ, неумышленнымъ, но, все-таки, подстрекателемъ къ проституціи. Если хозяень хорошо платитъ женской прислугѣ и не мучитъ ее чрезмѣрною работою, онъ — уже борець противъ проституціи, хотя бы не состоялъ членомъ ни въ какомъ аболиціонистскомъ кружкѣ. Если хозяинъ платитъ дурно, а работы требуетъ каторжной, онъ толкаетъ служанку въ проституцію, онъ факторъ проституціи, хотя бы имя его значилось въ спискахъ всѣхъ обществъ предупрежденія, охраненія, спасенія, возрожденія и возвращенія. Всякій, не пустословно сантиментальничающій, но намѣревающійся

искренно и послѣдовательно свое дѣло дѣлать, союзъ аболиціонистовъ долженъ, по моему; начинаться круговою порукою, что участники союза будутъ оплачивать трудъ женщинъ, работающихъ у нихъ или для нихъ, не по дешевизнѣ «женскаго сословія», но по соотвѣтственнымъ цѣнамъ мужского рынка.

По мнѣнію г. А – та, нѣтъ вопроса женскаго или мужскаго, но есть вопросъ дѣтскій и матерійскій. Это – очень эффектный ударъ меча по гордіеву узлу, но, къ сожалѣнію, узлы ли нынѣ вяжутся изъ болѣе жесткихъ ремпей, мечъ ли худо отточенъ, – только узелъ остался неразрубленнымъ. «Параллельно съ торжествомъ феминизма, – жалуется г. А – ть, – число бросаемыхъ младенцевъ доходитъ до степеней паразитическихъ; абортная практика врачей совершенствуется; есть уже умы, предлагающіе кастрацію, ради уменьшенія порочнаго и лишняго челоуѣчества. Сутенерство... и т. д.». Я не улавливаю связи, почему всѣ эти прелести сопоставляются г. А – томъ съ торжествомъ феминизма (да и гдѣ оно, это торжество?), но думаю, что къ суженію жен-

скаго вопроса въ дѣтскій и материнскій онѣ отнюдь не располагають. Число бросаемыхъ младенцевъ и абортъ стоятъ въ прямой зависимости отъ экономическихъ причинъ, желѣзную силу коихъ такъ основательно уважаетъ г. А – ть. Достаточно заглянуть въ отчеты воспитательныхъ домовъ, чтобы видѣть, въ какой строгой послѣдовательности по недороднымъ годамъ, когда дорожаетъ хлѣбъ, падаетъ «предложеніе» материнскаго самоотверженія, къ которому обращается г. А – ть, и растетъ «спросъ» на воспитательный домъ. Лучшее средство обезпечить ребенку благополучное возрастаніе – это дать его матери свободный и доходный трудъ. Положеніе внѣбрачныхъ дѣтей въ русскомъ народѣ очень плачевно всюду, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ уголковъ нашего отечества, гдѣ женская самостоятельность гарантирована необходимостью для мужчинъ-промышленниковъ бабьей рабочей помощи: у Бѣлаго моря, на Уралѣ, на Дону, на Кубани, въ Кимрахъ. Экономическая необходимость и трудовое равноправіе женщины очень легко разрѣшаютъ вопросъ о

«внѣбрачныхъ, естественныхъ или пусть хотя бы святыхъ (?) дѣтяхъ», – какъ выражается г. А – ть, остря въ этихъ эпитетахъ, сказать правду, довольно-таки странно. Поморка-артельщица, которую мужики приглашаютъ на сходки, какъ равноправнаго товарища, сама добычица, независимая отъ мужскихъ рукъ въ прокормѣ себя и своего дитяти, ничуть не конфузится внѣбрачнаго ребенка: – Мой «парень». И дѣтство дѣвкина, внѣбрачнаго парня не умалятся въ обычныхъ правахъ, сравнительно съ ея брачными парнями отъ законнаго супружества. Тамъ, гдѣ полы общественно равны, дѣленіе дѣтей на брачныхъ и внѣбрачныхъ естественно сводится на-нѣтъ. Въ примѣръ крушенія феминистической гордости, г. А – ть напоминаетъ мнѣ, что «Викторія Павловна» въ моемъ романѣ была горько наказана за уклоненіе отъ материнскихъ обязанностей къ своему внѣбрачному ребенку. Г. А – ть забываетъ, что, при условіи общественнаго равноправія половъ, Викторія Павловна не имѣла бы и причинъ уклоняться отъ своего ребенка.

Что касается альфонсизма или сутенер-

ства, въ какихъ бы формахъ они ни скрывались – грубыхъ или изящныхъ, низменныхъ или великосвѣтскихъ, то, конечно, тутъ феминизмъ ужъ ровно ни при чемъ. Сутенеръ – прямой и естественный врагъ женской свободы, и развитіе феминизма должно уничтожить сутенерство не только, какъ отвратительное явленіе общественной безнравственности, но и просто какъ чужеродный видъ экономической эксплуатаціи, протягивающей жадную лапу даже къ единственной, при современныхъ условіяхъ, доходной статьѣ женскаго труда – къ полу. Я убѣжденъ, что труженицамъ женскаго освобожденія не страшно принять вызовъ на подвигъ, за цѣну котораго г. А – ть согласенъ привѣтствовать торжество феминизма:

– Чтобы дряннымъ душонкамъ, позорящимъ человѣческое имя пошлякамъ и тунеядцамъ женщиною сильной и властной былъ положенъ тотъ самый категорическій и достойный трутней конецъ, который мы воочію наблюдаемъ въ пчелиныхъ ульяхъ.

Молодо и живо написанная статья г. Владимира Ж. о проституціи, въ «Руси», вызвала толки и подверглась разностороннему обсужденію въ печати. Мнѣ лично статья эта очень нравится, во-первыхъ, своимъ смѣлымъ тономъ и прямолинейною откровенностью, а, во-вторыхъ, основательнымъ взглядомъ г. Владимира Ж. на вопросъ «борьбы съ проституціей», тѣсно сходнымъ съ тѣмъ собственнымъ взглядомъ, изъясненію котораго посвящено большинство статей моей книги «Женское нестроеніе». Нельзя называть борьбою съ проституціей современные палліативы аболиціонистическаго движенія: при всей ихъ симпатичности, этотъ титулъ имъ не по чину. Побѣда общества надъ проституціей совершится лишь коренною реформою общаго соціальнаго положенія женщины, ростомъ ея образовательныхъ, рабочихъ и гражданскихъ правъ. Современная проституція есть проституція экономическая въ такомъ подавляющемъ преимуществѣ, что не болѣе десяти процентовъ надо отчислить

въ ея дѣйствующемъ составѣ на проституцію по инымъ мотивамъ, чужымъ экономическихъ побужденій. Для Петербурга, изъ объяснительныхъ категорій врача А. И. Федорова, такихъ побужденій, собственно говоря, лише-на лишь одна – «На зло любовнику» (5,5 %) Остальные, не исключая «Захотѣла погулять» и «Подруги сманили», – всѣ экономическія. На безработицу, по разнымъ причинамъ, падаетъ 43 % На откровенное предпочтеніе легкаго заработка – 51,5 %. Нарочно выбираю цифры Федорова, врача, пропитаннаго буржуазною моралью и очень суроваго къ проституціонному классу.

Проституція непобѣдима, при современномъ общественномъ соотношеніи половъ, потому, что она – единственный, хорошо оплачиваемый видъ женскаго труда, и быть проституткою настолько выгоднѣе, чѣмъ быть работницею, что, на примѣръ, для Петербурга можно смѣло сказать: заработокъ работницы кончается тамъ, гдѣ начинается заработокъ проститутки. Вотъ цифры А. И. Федорова изъ брошюры «Позорный промыселъ», изданной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (Спб.

1900).

«При 15-18-часовомъ трудѣ плата работницъ различныхъ промысловъ не превышаетъ 30 рублей на своемъ содержаніи. Это мы приводимъ высшій заработокъ, но бываетъ много ниже. Такъ, на примѣръ:

1) Прислуга получаетъ отъ 6 до 12 р. въ мѣсяцъ при хозяйскомъ столѣ.

2) Вязальщицы чулокъ зарабатываютъ отъ 10 до 15 рублей въ мѣсяцъ (на своемъ).

3) Прачка по 60 к. въ день, при случайной работѣ, а въ мѣсяцъ 6 руб. на хозяйскомъ столѣ и 15 руб. на своемъ.

4) Бѣлошвейки – отъ 10 до 20 руб. (на своемъ).

5) Цвѣточницы – отъ 6 (на хозяйскомъ содержаніи) до 15 руб. (на своемъ).

6) Папиросницы – отъ 10 до 20 руб. (на своемъ).

7) Портнихи – отъ 10 до 30 р. въ мѣсяцъ».

Въ промыслѣ же развратомъ – «самая плохая работница можетъ получить въ мѣсяцъ до 40 рублей, а хорошая получаетъ 500–700 р. въ мѣсяцъ». Еще въ 1871 году г. Михайль Кузнецовъ высчитывалъ, что женщина, экспло-

атируемая въ петербургскомъ первоклассномъ домѣ терпимости, даетъ своей хозяйкѣ ежемѣсячно 1.000 р. и выше «валового дохода». Изъ цифръ этихъ совершенно ясно, что плетью обуха не перешибить, и – покуда экономическое положеніе женщины въ обществѣ построено такъ, что проститутка сыта, а работница голодаетъ, – до тѣхъ поръ ни магдалининскіе пріюты, ни благочестивыя книжки, ни вразумительные визиты филантроповъ и филантропокъ къ жертвамъ, павшимъ или готовымъ пасть, ни даже ловля разныхъ негодяевъ и негодяекъ, торгующихъ «живымъ товаромъ», и судьбища надъ оными, ни искусственныя организаціи тощаго «честнаго» труда, – словомъ, ничто въ оборонительномъ арсеналѣ аболиціонизма не въ состояніи сколько-либо серьезно парализовать развитіе проституціи. И – ужъ само собою разумѣется – еще менѣе способенъ задержать это развитіе арсеналъ другой партіи, тоже якобы антипроституціонной, борьбы: полицейскій арсеналъ регламентаціи, совершенно разбитый въ наши дни логическими наблюденіями западной соціальной науки, съ

Ивомъ Гюйо во главѣ. У насъ наиболѣе рьянымъ и громкимъ врагомъ регламентаціи явилась въ послѣднее время г-жа В. Авчинникова: рекомендую читателямъ ея блестящій рефератъ, направленный противъ профессора Тарновскаго. Болѣе ранніе бойцы русскаго аболиціонизма – Елистратовъ, Ахшарумовъ, Покровская, Окороковъ, Якобій, Стуковенковъ, Никольскій, Жбанковъ и др.

Работница голодна – проститутка сыта; заработокъ работяицы кончается тамъ, гдѣ начинается заработокъ проститутки; быть проституткою выгоднѣе, чѣмъ быть работницею; желѣзный экономическій законъ, положившій идеаломъ человѣческаго труда «наименьшую затрату силъ съ наибольшою доходностью», оказывается всецѣло на сторонѣ проституціи и ограждаетъ ее отъ палліативныхъ атакъ морали крѣпкою броней, стѣнами нерушимыми. И дырявится броня эта, и расшатываются стѣны только тамъ, гдѣ трудъ женскій, въ оплатѣ своей, хоть приблизительно догоняетъ трудъ мужской, гдѣ повышается экономическій цензъ «женскаго сословія», во взаимодействіи съ

расширеніемъ образовательныхъ и гражданскихъ правъ женщины. До торжества правъ этихъ – экономическая проституція будетъ могуча, какія бы мѣры противъ нея ни изобрѣтались. Съ торжествомъ ихъ – она начнетъ гаснуть сама собою, потому что станетъ невыгоднымъ промысломъ. Если мужчина зарабатываетъ рубль тамъ, гдѣ женщина 30 копеекъ, то остальные 70 копеекъ у нея есть соблазнъ, а гораздо чаще горькая необходимость приработать цѣною своего тѣла. Но, если женщина зарабатываетъ тоже рубль, соблазнъ и необходимость эти исчезаютъ сами собою, и къ услугамъ проституціи остается только крайне незначительный процентъ «прирожденныхъ проституттокъ». Ихъ генезисъ хорошо изслѣдовали Ломброзо и Ферреро (у насъ Тарновскій), но – по хорошему изслѣдованіи – впали въ ошибку, уничтожившую всѣ плоды ихъ работы: исключенія возвели въ правило и единицы, въ типъ. Работы Тарда, Лорана, Лакассана, Франца Листа, А. Коха, Бэра разрушили правовѣрные теоріи о природенно-преступной и природенно-проституціонной расахъ, столь модныя

лъть двадцать назадъ. Что касается до «прирожденной проститутки», то одна изъ почтеннѣйшихъ русскихъ писательницъ по вопросу, убѣжденная ломброзистка, признается, что «расовые признаки» наблюдала ясно выраженными только на трехъ женщинахъ изъ сотенъ изслѣдованныхъ ею за десятокъ лѣтъ. Словомъ, повторяю, неэкономическіе привносы въ проституцію столь незначительны, что ихъ почти не стоитъ считать въ составѣ «соціального порока»: какъ скоро умретъ экономическая проституція, слово проститутка потеряетъ свое позорное значеніе, ибо проституція станетъ тогда символомъ уже не антиморального промысла, но просто половой болѣзни, и проститутку общество примется лечить, какъ опасную болѣзную, какъ выродившееся существо съ пониженнымъ самосознаніемъ.

Такимъ образомъ, истинная война съ проституціей, для меня, – въ войнѣ за общее экономическое преуспѣяніе «женскаго сословія». Исчезновеніе же проституціи – естественная контрибуція, которая сама собою истекаетъ изъ мирнаго договора о ра-

венствѣ труда между вынужденнымъ къ тому Адамомъ и побѣдоносною Евою. Въ царствѣ женскаго равноправія проституціи не будетъ, а если и будетъ она, – то какая-либо иная, изъ новыхъ началъ, уже не экономическая.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о томъ, что въ яркой статьѣ г. Владимира Ж. представляется мнѣ непослѣдовательнымъ, – именно при согласіи его съ взглядомъ на проституцію, какъ на органическое зло стараго порядка, должное естественно погибнуть въ порядкѣ новомъ, съ торжествомъ равенства народовъ, сословій, половъ, вѣръ, состояній. По мнѣнію г. Владимира Ж., надежды на новый порядокъ очень прекрасны, но до этого благополучія міру еще далеко. А куда намъ надо признать проститутку равноправною работницѣ, снять пятно презрительнаго отчужденія съ ея личности и промысла, ввести проституціонный вопросъ въ общую массу рабочаго вопроса, – словомъ, дать всѣ средства жизнеспособности институту, объ исчезновеніи котораго мечтаютъ всѣ, о немъ пишущіе, начиная съ г. Владимира Ж., и который, по его надеждамъ, обреченъ смерти «въ

день, когда не станетъ предразсудковъ и границъ». Г. Владимиръ Ж. требуетъ, чтобы общество заботилось о проституткѣ не до ея паденія и не послѣ того, какъ проститутка покинетъ свое ремесло, – это, по его совершенно справедливому мнѣнію, прекрасныя, но палліативныя покушенія, а я прибавлю: и, увы, съ довольно негодными средствами! – но въ самомъ моментѣ проституціи, когда женщина барахтается въ ея болотѣ. Вполнѣ понимая чувство жалости, вдохновляющее г. Владимира Ж., я все-таки, думаю, что отъ болотной трясины женщина можетъ быть спасена лишь тремя способами: 1) или надо не допускать женщину упасть въ трясины, 2) или надо вытащить женщину изъ трясины, 3) или надо уничтожить трясины, засыпать и высушить ее, чтобы женщина не могла ввалиться въ нее ни сознательно, ни безсознательно. Двумя первыми спасательствами – въ розницу – усердно занимаются аболиціонисты. О третьемъ упорно твердятъ тѣ, кто считаетъ проституцію логическимъ результатомъ женскаго безправія и единственное радикальное лекарство противъ нея видятъ въ

утвержденіи и ростъ женскихъ правъ.

На этомъ упованіи настаиваю я. На немъ держится, въ первой половинѣ своей статьи, и г. Владимиръ Ж. И вотъ почему особенно странно выдѣляется затѣмъ непослѣдовательность его требованій признать за болотными колоніями института, антипрогрессивнаго и обреченнаго на смерть, права институтовъ, жизнеспособныхъ и двигающихъ прогрессъ. Къ чему же мы будемъ лѣвою рукою спасать то, что правою сознательно бьемъ на смерть, и въ гибели чего видимъ свой гражданскій долгъ и идеаль?! Если принять сравненіе г. Владимира Ж. проституціи съ болотомъ, то бываютъ болота обширныя, зыбучія, глубокія, топкія, непроходимыя, но, необходимыхъ къ сохраненію, болотъ нѣтъ. Единственное, что можетъ сдѣлать человѣческая цивилизація съ болотомъ, это – дренажировать его и сушить, дондеже оно не превратится въ годную къ обработкѣ земельную площадь. Гнилая жизнь болота, конечно, при этомъ погибнетъ самымъ жалкимъ образомъ, но зато возникнетъ и разовьется культурная жизнь плодоносной

почвы. Если же болото, – въ томъ числѣ и то, о которомъ мы говоримъ, проституціонное, – не легко подвергается осушкѣ, и судьба ему пятнать собою цивилизацію еще долго, – то, въ этомъ случаѣ, береговымъ жителямъ остается лишь принимать мѣры, чтобы міазмы болота не отравляли людей маляріей и прочими недугами отъ дурной воды. То есть, бросая метафоры, приходится человѣчеству сосредоточить свое вниманіе на профилактическомъ надзорѣ за проституціей, до прелестей регистраціи включительно. Къ такому плачевному выводу неминуемо долженъ былъ придти, выйдя изъ ошибочной посылки, и дѣйствительно, пришелъ г. Владимиръ Ж. въ безспорномъ противорѣчьи съ самимъ собою: проповѣдь аболиціонизма (въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ освободительнаго движенія) ему пришлось закончить совсѣмъ нежелательнымъ заключеніемъ о необходимости регламентаціи, лишь смягченной нѣсколько въ формахъ, – при чемъ многія смягченія, выставляемыя авторомъ, какъ *ria desideria*, уже теперь существуютъ, но – что попъ, что батъка – отъ нихъ ни проституткѣ,

ни обществу иичуть не лучше. Напримѣръ, въ Москвѣ надзоръ за проституціей давно уже переданъ изъ рукъ полиціи въ руки городского самоуправленія. Страховка петербургской проститутки, на случай ухода ея изъ профессіи, процентными вычетами изъ заработка введена лѣтъ пять назадъ Клейгельсомъ: къ 1 января 1900 года сберегательная касса проституттокъ петербургскихъ имѣла капиталъ свыше 40.000 рублей, накопленный 25 % отчисленіемъ въ теченіе полугода. Передача врачебныхъ осмотровъ въ распорядительство женщинъ-врачей – тоже вопросъ, назрѣвающій съ такою положительною скоростью, что его можно считать уже на порогѣ къ разрѣшенію; а кое-гдѣ эта надежда, усиліями аболиціонистовъ, уже и осуществлена, если не въ видѣ принципальной монополіи, то фактической. Усовершенствованія регламентаціи даются обществу сравнительно легко, но – *bonnet blanc, blanc bonnet* – сама-то регламентація – антипрогрессивное начало и никуда она не годится.

Сраваивать проституціонный вопросъ съ

рабочимъ не удобно, ибо онъ, относительно, все-таки узокъ: рабочій вопросъ – столь широкая сила, что и женскій-то вопросъ вливается въ него, – хотя и равноправно и равно-мощно, – какъ Кама въ Волгу. При томъ же рабочій вопросъ неразлученъ съ элементами дешеваго производства на спросъ и механическихъ двигателей, каковыхъ элементовъ въ вопросъ проституціонномъ не имѣется и имѣться не можетъ.

Если проститутка – рабочій, то – лишь ку-старь, не только до электричества, но и до Уатта. Рабочій вопросъ централизуетъ въ силу заводъ, рудникъ, фабрика. Никакія преуспѣянія проституціи не могутъ создать фабрикъ полового наслажденія, ибо оно, по самому существу своему, индивидуально и – увы! – шаблонъ машины здѣсь пасуетъ, и потребности въ «половой машинѣ» у челоуѣчества такъ мало, что ея никто до сихъ поръ не пожелалъ изобреѣсти, – хоть обыщите весь списокъ привилегій, выданныхъ департаментомъ торговли и мануфактуръ, со дня его основанія. Стало быть, – даже въ самой растяжимой аналогіи, – проституція – только

кустарное ремесло, за личный ли страх ку-старя, въ наемной ли группѣ отъ хозяина, въ той ли наконецъ «ассоціаціи», которую мечтала создать съ подругами своими Ирма, героиня г. Владимира Ж. Изъ кустарнаго состоянія сей промысель, волею природы, никогда не выйдетъ, а слѣдовательно, – за исключеніемъ законовъ рыночнаго спроса и предложенія, – остальные аналогіи рабочаго уклада терпятъ здѣсь крушеніе. Попытка навязать обществу взглядъ на регламентацію, какъ на фабричное законодательство, – старая штука. Въ особенности, усердно смаковали этотъ взглядъ французскіе буржуа, напримѣръ, Мартино въ своей «La Prostitution clandestine», съ самыми трогательными и краснорѣчивыми доказательствами, что каждая проститутка должна быть преслѣдуема со всею неукоснительностью по тому же закону, по которому начальство опечатало утюгъ и нитки у щедринскаго портного Гришки, не оплатившаго «пакентовъ». А затѣмъ – цѣлыя страницы доказательствъ съ точки зрѣнія профилактики и – даже – охраненія общественной тишины и спокойствія. Словомъ, вся забота о томъ, что-

бы доброму буржуа были предоставлены всѣ удобства вкушать «предметъ потребления» доброкачественный, съ гарантіей за физическую безопасность потребителя (въ родѣ пломбы на окорокъ, свидѣтельствующей о неимѣніи въ ономъ трихинъ и финновъ) и за комфортъ нравственный — «безъ шкандалу, тихо, смирно, благородно!» Я отнюдь не думаю, чтобы подобный буржуазный кодексъ пользоваться женскимъ тѣломъ удовлетворялъ требованіямъ не только «половой морали», которую г. Владимиръ Ж. через-чуръ горячо и спѣшно вазываетъ нелѣпостью, но и просто идеѣ равенства человѣческаго, которой г. Владимиръ Ж. врагомъ быть не можетъ. Въ концѣ концовъ, при томъ строѣ, что проповѣдуетъ Мартино, проститутка совершенно лишается человѣческой личности и грубо обращается въ оптовый товаръ... Ну, разъ буржуа нужець «товаръ», то его дѣло и блюсти, чтобы попался ему не линючій, а добротный ситець, свѣжій, а не подгнившій кусокъ мяса. Его и дѣло отстаивать регламентацію со всѣми ея взглядами на женское тѣло, какъ иа мясо къ потребленію, Но г.

Владимиръ Ж – не буржуа въ такомъ множествѣ своихъ мыслей, что, надо думать, и тутъ у него лишь что-то не вышло въ словахъ, а идейнаго сходства съ Мартино и К° я отъ молодого писателя не ожидаю.

Въ словахъ иногда, бываетъ, что-то не выходитъ. Такъ, я охотно вѣрю г. Владимиру Ж., что онъ или его босякъ совсѣмъ не хотѣли вносить въ ученіе о проституціи аристократической тенденціи искупленія расою илотокъ цѣломудрія дѣвушекъ достаточнаго класса. Однако, оно такъ вышло дословно въ поэмѣ босяка. Продолжаетъ такъ выходить и теперь въ разъясненіи г. Владимира Ж.: безъ проституціи – «армія спроса, не найдя на рынкѣ арміи предложенія, ринулась бы тѣмъ или инымъ путемъ въ наши буржуазные дома» и т. д. И затѣмъ – красивая декламація Ирмы о жертвахъ общественнаго темперамента, какъ клапанъ, устроенномъ, «дабы мощь разврата потокомъ по землѣ не разлилась», а иначе, безъ клапана, «вѣчно алчущая страсть» зальетъ, бушуя, всю вселенную. Со смиреніемъ ли, съ гордостью ли за свою роль, высказываетъ Ирма это исповѣданіе, – безраз-

лично, потому что идея «живыхъ клоакъ для излишка половой энергіи», какъ выражается г. Владимиръ Ж., сама уже по себѣ, независимо отъ настроенія Ирмы, – въ высшей степени, аристократически-буржуазная идея, опять-таки усиленно проповѣдуемая регламентаторами во Франціи. Изъ послѣднихъ, д-ръ Мирёръ (H. Mireur) даже провозгласилъ торжественно проституцію необходимою для поддержанія порядка и общественнаго строя. «Безъ проституціи чистота нравовъ исчезла бы, и нарушился бы весь строй. Представимъ себѣ только на одну секунду (!) городъ Парижъ или Лондонъ безъ проституціи и проституттокъ, чтрбы это случилось? Г. Владимиръ Ж. видигь, что ученіе его Ирмы совпадаетъ со страхами цѣломудреннаго врача марсельской полиціи нравовъ почти дословно. И – не о смиренной *résignation* рѣчь, а о томъ, что въ самой основѣ проституціи лежитъ идея капиталистическаго неравенства, – искупленія или, чтобы не употреблять столь «мистическаго» слова, страховки цѣломудрія богатыхъ развратомъ нищихъ, – которую нельзя скрасить никакими изящными образами и пест-

рыми словами. Противъ грубой идеи, что проституція предохранительный клапанъ общественной безнравственности, спасающій отъ поруганія буржуазную семью, съ негодованіемъ возставала еще сатира Огюста Барбье. У насъ отъ нея съ брезгливостью отказываются даже піэтисты, вродѣ пастора Далтона. Г. Владимиръ Ж. приравниваетъ своихъ гордыхъ илотизмомъ, проституттокъ къ крѣпостнымъ мужикамъ, которые 50 лѣтъ назадъ могли сказать барину для того мы мякинники, чтобы ваша милость могла купать цыганокъ въ шампанскомъ... Если бы была раса, способная провозгласить о себѣ такое «для того, чтобы», ей нечѣмъ было бы гордиться въ себѣ, пропащая бы эта была раса. Потому, что рѣшительно нелестно чувствовать себя скотомъ, сознательно обречшимся ѣсть мякину, чтобы другой скотъ могъ купать цыганокъ въ шампанскомъ. И никакою гражданскою провиденціею тутъ утѣшиться невозможно: нечѣму. И русскій крѣпостной мужикъ никогда и ничуть не гордился своею крѣпостью, а, напротивъ, ненавидѣлъ ее всѣми силами своей души. И, ужъ если гово-

рить отъ его имени, то формулу, вложенную въ его уста г. Владимиромъ Ж., надо снабдить знакомъ вопроса – и очень рѣзко:

– Развѣ для того мы ѣдимъ мякину по праздникамъ, чтобы ты могъ купать цыганокъ въ шампанскомъ?!

Умные и чуткіе государственные люди слышали этотъ вопросъ, со дней Пугачевщины, черезъ Радищева и декабристовъ, до дней Александра II съ его страшно глубокою и многознаменательною рѣчью къ московскому дворянству: начнемъ раскрѣпощеніе сверху, чтобы оно не началось снизу, – и съ манифестомъ 19 февраля.

Бываютъ ядущіе и бываютъ ядомые. Ядомые могутъ составить организацію противодѣйствія, чтобы перестать быть ядомыми и воспрепятствовать ядущимъ ясти ихъ. Это понятно, разумно, всѣмъ знакомо. Но организація ядомыхъ, направленная къ тому чтобы наиудобнѣйше оставаться жертвами яденія, облегчаетъ положеніе ихъ не болѣе, чѣмъ бѣлый соусъ положеніе цыпленка, котораго иначе поваръ изжарилъ бы въ соусъ красномъ. Можно и должно жалѣть прости-

тутку, можно любить ее, можно не только извинять, но и уважать мотивы, которые толкнули въ позорный промыселъ какую-нибудь Соню Мармеладову, но въ самомъ промыслѣ проституціонномъ уважать рѣшительно нечего. Никакими софизмами не обратитъ его изъ силы противообщественной въ силу; работающую на общество, если только не считать соціальнымъ идеаломъ современный капиталистическій буржуазный укладъ, которому она – какъ разъ по Сенькѣ шапка и вѣрная раба. Не знаю, «нелѣпость» ли половая мораль, но знаю, что, на примѣръ, забастовку проституттокъ съ цѣлью уничтожить промыселъ и заставить общество дать имъ честно-доходную работу, я понялъ бы, а ассоціація проституттокъ, съ цѣлью наиуспѣшнѣйше торговать собою, столь же странна, какъ и тотъ одесскій трактиръ, о которомъ писали недавно въ газетахъ, что, открывшись на артельныхъ началахъ, онъ съ мѣста въ карьеръ началъ широкую торговлю женщинами. И опять-таки идея давняя, идея расцвѣта буржуазіи, выношенная во Франціи конца имперіи. У насъ же еще некрасовскій Лео-

нидѣ провозглашалъ общественнымъ идеаломъ «мысль центральнаго дома терпимости», повторяя собою античнаго Солона, который наполнилъ государственныя диктеріи невольницами, дабы общественный темпераментъ не обращался на гражданокъ. Любопытно, что идея Леонида чуть было не осуществилась лѣтъ шесть назадъ въ Софіи, и уже было воздвигнуто прекрасное зданіе для этой государственной цѣли, но затѣя рухнула изъ-за негодованія болгарскихъ женщинъ и... отказа проститутокъ!

«Нелѣпость» ли, нѣтъ ли половая мораль, однако, она очень жива въ падшихъ жеищинахъ. Очень рѣдкія проститутки, хотя, казалось бы, совершенно утратившія стыдъ въ печальномъ промыслѣ самопродажи, относятся безъ отвращенія къ торговлѣ «живымъ товаромъ». Лишь незначительная часть такихъ торговокъ выходитъ изъ среды проститутокъ. Такъ, по даннымъ Кузнецова въ 1870 году изъ 66 содержательницъ домовъ терпимости въ Москвѣ ранѣе были проститутками только 7.

Общественный темпераментъ – сила огромная, но значеніе ея, все-таки, принято

весьма преувеличивать. Уже широкія рамки колебаній то въ ростѣ, то въ упадкѣ проституціи (напримѣръ, какъ то наблюденно, для Германіи и особенно для Берлина, въ соотвѣтствіи отъ большихъ или меньшихъ цѣнъ на хлѣбъ) показываютъ, насколько поддается сокращеніямъ энергія общественнаго темперамента, какъ скоро дешевый спросъ осѣкается о дорогое предложеніе, т. е. какъ скоро экономическое положеніе женщины улучшается настолько, что она можетъ прокормить себя не только тѣломъ своимъ, какъ самка, но и трудомъ, соотвѣтственнымъ достоинству человѣка. Мысль человѣческая энергически работаетъ надъ усвоеніемъ закона этихъ сокращеній, и недалекъ тотъ день, когда онъ будетъ провозглашенъ громко и проведенъ въ жизнь. Гораздо ближе, чѣмъ думаютъ! Уничтожить проституцію, освободить женщину отъ проституціи — одна изъ благороднѣйшихъ задачъ, которымъ можетъ посвятить себя современный человѣкъ. Упорядочивать же нѣдра проституціи «на продолженіе» значитъ лишь мѣнять одну полицію нравовъ на другую, то есть мѣнять

цвѣтъ соусовъ, въ коихъ жарятся дыплята. Но объ этомъ я много говорилъ уже въ «Женскомъ нестроеніи» и не хочу повторяться. Прибавлю лишь одно соображеніе, сейчасъ прошедшее мнѣ въ голову: то примиреніе общества съ проституціонною профессією, какъ силою временно-фатальною, которое рекомендуетъ г. Владимиръ Ж., должно зарѣзать состраданіе къ проституткѣ и свести на нѣтъ борьбу съ ея ремесломъ, какъ общественнымъ порокомъ. Почему? Да потому, что если мы признаемъ проституцію нормальнымъ ремесломъ вровень со всякимъ другимъ, то, съ этого момента, проститутка достойна жалости не только не болѣе, но даже менѣе, чѣмъ кто-либо изъ работницъ, ибо экономически она поставлена лучше всѣхъ, а съ соображеніями «половой морали», заставляющими насъ сожалѣть о ней нынѣ, что же мы будемъ считаться, разъ условились «половую мораль» зачеркнуть? вмѣсто страдающей, униженной и оскорбленной женщины остается уже наголо лишь «предметъ потребленія», которому тѣмъ сытнѣе существовать на свѣтѣ, чѣмъ больше на него спро-

съ. Теперь это «чѣмъ больше», приводитъ насъ въ ужасъ, смущаетъ нашу совѣсть тяжелыми угрызеніями, а тогда – чѣмъ же смущаться? Шибко торговля идетъ, – благополучіе, въ нѣкоторомъ родѣ, горою создается, – ну, стало быть, и хвала слянію Венеры съ Меркуріемъ, да здравствуетъ коммерція и – все добро зѣло, то-есть безвредно и прекрасно!

1904.

VI

Въ «Случайныхъ Замѣткахъ» іюньской книжки «Русскаго Богатства» (1904) привлекаетъ вниманіе читателя маленькая статья – «Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой»[5], подписанная всѣмъ понятнымъ псевдонимомъ Вл. К. Разговаривать о такой квинтъ-эссенціи надменнаго буржуазно-институтскаго «юродства», сытой безжалостности и глубочайшаго соціального невѣжества, какъ лекціи г-жи Лухмановой о проституціи, не стоило бы, если бы въ Житомирѣ это пустословіе во всеуслышаніе не вызвало примѣчательнаго протеста: одна изъ женщинъ, обозванныхъ добродѣтельною переводчицею «Дамы отъ Максима» въ порывѣ цѣломудреннаго негодованія «тварями» и «животными», прислала въ редакцію газеты «Волынь» письмо, пытаясь оправдать свое паденіе. Письмо потрясающее, какъ всѣ подобныя письма. Я долго занимался проституціоннымъ вопросомъ, и въ рукахъ моихъ перебивало много подобныхъ документовъ. Письмо житомирской Сони Марме-

ладовой отличается от них только грамотностью и ясностью слога, вѣроятно, приданными ему въ редакціи. Какъ истинная Соня Мармеладова, дѣвушка эта пала, чтобы кормить и воспитать двухъ братьевъ и двухъ сестеръ, которымъ она осталась старшею въ семьѣ послѣ смерти матери, потому что отецъ скрылся безъ вѣсти. Три года двѣнадцатичасового «честнаго труда» на табачной фабрикѣ, съ поденщиною по 25 к. въ сутки, что давало около 7 рублей въ мѣсяць – на содержаніе пяти человѣческихъ душъ! «прирабатывала»: за 50 коп. въ мѣсяць таскала воду изъ колодца – послѣ двѣнадцатичасовой-то поденной работы! На четвертый годъ, когда братья и сестры стали подрастать, требуя еще большихъ расходовъ, дѣвушка не выдержала – начала «прирабатывать» къ фабричной поденщинѣ проституціей... Ну, и результаты обычные, – сразу сказался «наиболѣе доходный способъ женскаго труда»: семья стала на ноги – «одинъ брагъ поступилъ въ ученье къ сапожнику, другой дома, а двѣ сестры одѣты, по воскресеньямъ идутъ въ воскресную школу, а въ

будни у печки стряпають и моють бѣлье».

Исключительный ли это, рѣдкій ли фактъ? Насколько онъ подлежитъ обобщеніямъ?

Я недавно имѣлъ случай говорить съ читателями о современной проституціи, какъ о злѣ, въ подавляющемъ преимуществѣ своего состава, экономическомъ, истекающемъ изъ общаго безправнаго положенія женщины въ буржуазномъ строѣ общества и безобразно приниженныхъ условій женскаго труда. Не повторяясь въ общихъ разсужденіяхъ, я хочу на этотъ разъ освѣтить житомирскій случай однѣми голыми цифрами.

Изъ 4.812 проститутокъ, изслѣдованныхъ въ Петербургѣ въ 1893-96 г. докторомъ П. Е. Обозненко, по даннымъ врачебно-полицейскаго комитета и Калинкинской больницы, паденіе свое въ торговлю тѣломъ объяснили экономическими причинами – прямыми или косвенными:

1.348 – нужда, бѣдность.

364 – неимѣніе мѣстъ и занятій.

39 – ссора съ родными или бѣгство изъ семьи по стыду, вслѣдствіе потери невинности.

35 – *желаніе нажити деньги.*

78 – *продажа близкими людьми или своднею.*

6 – *ради воспитанія дѣтей.*

10 – *неимѣніе паспорта.*

9 – *неспособность къ труду по болѣзни.*

13 – *«дали бланку».*

Итого – 2.901.

Затѣмъ въ списокѣ г. Обозненко выставляются неопредѣленные, но, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ проституціоннымъ міркомъ, тому очень хорошо понятныя рубрики: «собственное желаніе», «отрицающія занятіе проституціей», «причины неизвѣстны». – «Собственное желаніе» – полицейская формула-отмѣтка, которою отдѣлываются проститутки отъ пытливыхъ вопросовъ – «какъ дошла ты до жизни такой?», когда не хотятъ или не умѣютъ на нихъ отвѣчать. Изъ 765 женщинъ этой рубрики можно ручаться за 500–600, что, участливо и пристально изслѣдуемая, онѣ, въ концѣ-концовъ, обнаружили бы побужденія матеріальной нужды, обычныя для большинства жертвъ проституціи. Въ «скрывающихъ

занятіе проституціей» этотъ % долженъ быть взятъ еще выше: отсылаю къ книгѣ г. Обозненко искать потрясающія картины, какъ голодающал угловая женщина, на днѣ столичнаго населенія, борется противъ необходимости стать явною проституткою, и какъ ея борьба, при суровыхъ притязаніяхъ нашей регламентаціи, оказывается напрасною и беззащитною.

– Что-жь? Дали бланку – нужно гулять! – слишкомъ частая судьба женщинъ, преслѣдуемыхъ и загоняемыхъ въ проституцію регламентаціонною формалистикою, – по словамъ г. Обозненко, – только «за то, что она бѣдна, за то, что она не нашла себѣ мѣста, за то, что живетъ въ грязномъ углу, а не въ первоклассной гостиницѣ». Страшно сказать, но угловая женщина въ Петербургѣ можетъ очутиться въ проституціонной больницѣ, никогда не бывъ проституткою! Для этого ей достаточно имѣть на тѣлѣ прѣлыя пятна или просто, съ позволенія сказать, обовшивѣть; «комиссіонныя женщины», – т. е. взятыя полицейскими обходами въ ночлежныхъ квартирахъ за неимѣніемъ пас-

порта, за нежеланіемъ объявить постоянное мѣстожителство, за неуказаніемъ опредѣленныхъ занятій — «комиссіонныя женщины», при обнаруженіи свидѣтельствомъ не только слѣдовъ сифилиса, но даже царапинъ и расчесовъ или нечистоплотности, подлежатъ препровожденію въ Калининскую больницу, гдѣ и формируются выгоднымъ примѣромъ подругъ уже въ явно-поднадзорныхъ проститутокъ. Почти роковая неизбѣжность чернорабочей бабѣ, оставшись въ столицѣ временно безъ труда, пополнить собою проституціонныя кадры настолько понята классомъ этихъ горемычныхъ полунищихъ, «что находятся предусмотрительныя женщины, которыя, приходя въ столицу на заработки, прежде всего идутъ въ в. п. комитетъ и берутъ бланку на всякій случай». Какого ужаса, какого паденія, какого развращенія среды фатумомъ нужды еще искать! Вотъ какія формы страхованія отъ потери труда создала петербургская безработица. Ужъ истина, что голь на выдумки хитра! Вотъ въ какія унижительныя уловки самопомощи прихо-

дится опускаться женской рабочей массѣ, выдѣляющей изъ себя, въ судорогахъ отчаянія, тѣхъ «тварей» и «животныхъ», которымъ наши пуританки съ зажирѣлыми сердцами объявляютъ лишенными правъ на общественное участіе.

Итакъ, къ вышеприведеннымъ цифрамъ доктора Обозненко, и безъ того крупно характеризующимъ экономическій складъ петербургской проституціи, надо прибавить еще, по крайней мѣрѣ, тысячу женщинъ изъ трехъ рубрикъ неопредѣленныхъ. Что же остается на факторы посторонніе – на побужденія психологическія, на случай и т. д.? Нѣсколько сотенъ, при чемъ еще о значеніи одного фактора – «лѣность» (334 женщины) – можно много условливаться и спорить.

Въ процентномъ реестрѣ д-ра А. И. Федорова («Позорный промыселъ», изд. мин. внутр. дѣлъ) неудачной рубрики «лѣность» нѣтъ вовсе, хотя этотъ изслѣдователь и очень суровъ къ проституціонному классу и, подобно г-жѣ Лухмановой, отрицаетъ нужду, какъ причину проституціи. Рубрикѣ «лѣность» у него соотвѣтствуетъ рубрика «легкій зарабо-

токъ», гораздо болѣе выразительная и справедливая. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою «лѣнность» чернорабочаго человѣка? Лѣнтяй-поденщикъ заслуживаетъ свою репутацію уже тѣмъ, что норовитъ выкрасть на отдыхи и передышки изъ двѣнадцатичасоваго рабочаго дня, всѣми правдами и неправдами, какихъ-нибудь минутъ сорокъ. Каждый изъ насъ, съ репутаціей усердныхъ работниковъ на своемъ дѣлѣ, въ недѣлю сдохъ бы, если бы былъ поставленъ замѣнить лѣнтяй-поденщика на его работѣ; о замѣнѣ хорошихъ дѣлателей мзды своей, что ужъ и думать! Лѣнливая работница – это просто та, которая, вмѣсто 15–18 часовъ въ сутки, обычныхъ (по А. И. Федорову) для петербургскаго «честнаго женскаго труда», способна выдерживать его не болѣе 10–12 часовъ, и которую за эту «лѣнь» не держатъ на мѣстахъ. Попробуйте сѣсть – дѣлать папиросы: этотъ заработокъ сравнительно легче другихъ и немножко лучше оплачивается (отъ 10 до 20 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ). Вы пяти часовъ этой муки не выдержите, а дѣвушка-папиросница, нелѣнтяйка, должна

высиживать 15! За десять-то рублей! Что же удивительнаго, если 9 проц. петербургской проституці выходитъ изъ папиросницъ? Не забывайте твердой аксіомы: цифра честнаго заработка рабочей труженицы кончается тамъ, гдѣ починается цифра заработка проститутки. Наилучшая работница-портниха (высшій заработокъ женскаго ремесленнаго труда въ Петербургѣ) получаетъ 30 рублей въ мѣсяць, самая плохая неудачница-проститутка – 40 рублей (Федоровъ).

Кто же остается въ списокъ г. Обозненко за сдѣланными погашеніями? Дѣвочки, вовлеченныя въ развратъ «по глупости и легкомыслію» (81), не владѣющія собою, безвольныя алкоголички, пьянствомъ лишенныя трудоспособности (88), больныя нимфоманіей, которыхъ гонитъ въ развратъ половая потребность (27), и жертвы любовныхъ трагедій, мстящія своимъ срамомъ любимому человѣку (ихъ довольно много – 128; рубрика эта даетъ крупный % и у Федорова: 5,5 %). Всѣ эти жалкія созданія не даютъ и 10 % къ общему контингенту изслѣдованія и, какъ бы ни было печально ихъ зрѣлище, ка-

къ бы ни владѣль ими и ни губиль ихъ порокъ, у кого же – кромѣ комитетскихъ агентовъ – повернется языкъ обозвать «тварями» и «животными» человѣческія существа, загубленныя дѣтскимъ незнаніемъ, природнымъ слабоуміемъ, невѣжествомъ и обманомъ, либо физическими недугами и аномаліями, по большей части – наслѣдственными? Онѣ ли виноваты передъ обществомъ? Обществу ли, ими пользующемуся, презирать ихъ и клеймить? Тутъ нужны лечебницы и школы, умная трудовая помощь, а не бранныя плачки и надменное фырканье буржуйнаго чистюльства... на этихъ коняхъ давно уже перестали ѣздить даже сочувственники г-жи Лухмановой, – конечно, не вовсе лишенные, какъ эта почтенная писательница, эрудиціи по темамъ, за которыя берутся, и достаточно умные и добросовѣстные, чтобы не рѣшать соціальныхъ вопросовъ капризною отсебятиною. Часто ли попадаются Сони Мармеладовы, подобныя житомирской? Увы! Есть въ проституціонномъ мірѣ и грозное явленіе, еще не изображенное въ полной мѣрѣ своего трагизма никакимъ Достоевскимъ! Не забы-

вайте, что въ проституціонной средѣ 8 % женщинъ, имѣющихъ дѣтей. Возьмите докладъ д-ра Штюрмера «Проституція въ городахъ». Вы узнаете о женщинахъ, проституирующихъ, чтобы дѣти ихъ могли воспитываться въ гимназіяхъ! Вы узнаете о женщинахъ, проституирующихъ, чтобы самимъ достать средства на цѣли самообразованія! Знаменитый Parent Duchatelet, основатель научнаго изслѣдованія проституціи, нашель изъ 5.183 парижскихъ проститутокъ – 37, вступившихъ на дорогу разврата съ цѣлью пропитать своихъ престарѣлыхъ родителей, 23 – съ цѣлью поднять на ноги многочисленную семью и 29 – чтобы вывести въ люди сестеръ, братьевъ или племянниковъ. Совсѣмъ уже рубрика для житомирскаго случая! Г. Вл. К., со справедливымъ уваженіемъ, указаль на нравственную силу, съ какою житомирская Соня Мармеладова не позволила «грязному потоку хлынуть за порогъ ея семьи». И это постоянно такъ: старинная мелодія Густава Надо...

*Дитя есть у Адели
Сынъ, жизнь ея души,*

*Она отъ колыбели
Хранитъ его въ тиши:
Надънетъ онъ когда-то
Честной мундиръ солдата
И матери стыдомъ
Ему не поперкнется.
Адель моя! Зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.*

Ломброзо и Карлье группируютъ множество примѣровъ этой самоотверженной проститутки, въ помощь сестрамъ, братьямъ, сиротамъ-родственникамъ, – проституціи, губящей собственныя тѣла, чтобы дочери и сестры не стали проститутками, а сыновья и братья нищими или ворами. Мечта Адели, мечта Фантины Виктора Гюго!

– Если бы моя дочь узнала, кто я, я наложила бы на себя руки! – говорила Ломброзо проститутка, которая «работала» сверхъ силъ, чтобы воспитывать дочь въ иногороднемъ пансіонѣ.

Михаилъ Кузнецовъ, авторъ одного изъ старѣйшихъ русскихъ трудовъ о проституціи, говоритъ съ положительностью, что въ русскихъ городахъ контингентъ «материнской

проституціи» гораздо больше, чѣмъ на Западѣ! Лично могу подтвердить это мнѣніе на томъ основаніи, что въ маленькомъ архивѣ моихъ собственныхъ опросовъ подобные благородные мотивы къ женскому позору сказались у 13 проституттокъ изъ 91 – по большей части, впрочемъ, тайныхъ, слѣдовательно, еще не перечисленныхъ официально изъ общества въ міръ «тварей» и «животныхъ», подлежащихъ оплеванію г-жами Лухмановыми.

– Кто безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень!

Г. Вл. К. хорошо замѣтилъ, что – счастье, что, когда Христосъ судилъ блудницу, въ толпѣ не было г-жи Лухмановой, – иначе роковой камень полетѣлъ бы въ несчастную изъ ея добродѣтельной руки... Но есть арабская пословица:

– Грязь, бросаемая въ страдающаго, прилипаетъ къ рукѣ!..

1904.

Къ этому же роду статей о борьбѣ съ проституціей относится послѣсловіе мое къ повѣсти «Марья Лусьева», которое не вклю-

чаю сюда, какъ тѣсно связанное съ дѣйствіемъ повѣсти. Желающіе могутъ найти его въ третьемъ изданіи «Марьи Лусьевой».

Примечания

1

См. мой романъ «Викторія Павловна» (Именины) и послѣсловіе къ нему.

[^^^]

Подъ этимъ случайнымъ псевдонимомъ печатался весь рядъ статей о проституціи въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

[^^^]

Нѣкоторыя статьи г-жи Покровской даже печатались въ одной изъ Петербургскихъ газетъ, которую я тогда фактически редактировалъ.

[^^^]

4

Сравните ниже этюдъ «О дѣвицѣ Торсѣ и господахъ Кувшинниковыхъ».

[^^^]

Надежда Александровна Лухманова скончалась года два тому назадъ. Отбрасываю, поэтому, полемическій конецъ этой статьи, появлявшійся въ прежнихъ изданіяхъ «Женскаго Нестроенія (1907).

[^^^]